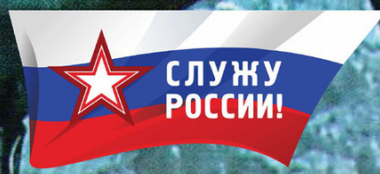

Костя по прозвищу Беспросветный, отсидев за убийство своего командира-предателя, выходит на свободу без малейшего понимания, как дальше жить. Идти ему, по большому счету, некуда: нет теперь ни жены, ни дома. Да и на приличную работу с такой биографией не устроишься... Но судьба дает ему шанс переиграть свою жизнь. В составе Добровольческого русского отряда Костя отправляется на гражданскую войну, идущую на территории бывшей Югославии. Ему, боевому офицеру, прошедшему пекло Афгана, убивать не привыкать. Теперь это его ремесло.

Николай СТАРОДЫМОВ

БРАТИШКА, ОСТАВЬ ПОКУРИТЬ!

Служу России!

Николай Стародымов

Братишка, оставь покурить!

«Горизонт»

2018

Стародымов Н. А.

Братишка, оставь покурить! / Н. А. Стародымов — «Горизонт»,
2018 — (Служу России!)

ISBN 978-5-699-28393-4

Роман опубликован под названием «Братишка, оставь покурить!...». Авторское название: «Я пришёл убить хорвата». Сегодня мало кто вспоминает о том, что в период гражданской войны в разваливавшейся Югославии принимали участие добровольцы из Советского Союза и его осколков. Разные пути-дорожки приводили их на ту очередную балканскую войну. Данная книга – об одном только эпизоде той войны, в котором принимали участие наши соотечественники. Вчерашние югославы в одночасье стали сербами, хорватами, представителями других национальностей... Не все ещё утратили чувство вчерашнего единства... Однако война уже разделила их безвозвратно. И только любовь в силах преодолеть межэтнические барьеры...

ISBN 978-5-699-28393-4

© Стародымов Н. А., 2018

© Горизонт, 2018

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Стародымов

Братишка, оставь покурить!

С благодарностью Олегу Валецкому, участнику войны в Югославии, который в значительной степени помог автору в написании этой книги о событиях на Балканах в первой половине 90-х годов минувшего века.

Автор приносит извинение за некоторые резкие высказывания героев повести в адрес представителей других национальностей и религиозных конфессий – эта резкость определяется не жизненной позицией автора, а исключительно законами жанра.

Часть первая

Охота на человека

1

Луна здесь не такая, как у нас. Не луна – луница, на которой прекрасно виден весь рельеф, моря и материки! И звезды крупные, будто на них, как на исполинских золотых гвоздях держится густо-синий бархат ночного небосвода. Может быть, именно потому существует древнее алтайское поверье, что все мирозданье держится на четырех звездах?.. У нас, в привычно-родимой среднерусской полосе, такого неба не бывает даже в самые ясные и умытые ночи. У нас звездочки мельче, будто с трудом протискивают лучики света сквозь толщу земной атмосферы.

Когда-то давным-давно я уже видел такое же близкое и непривычно бархатистое глубокое, усыпанное мириадами звезд, небо. Бесконечно давно и не менее бесконечно далеко отсюда. Будто на другой планете, с которой я прилетел сюда вместе с очаровательным беспомощным Маленьким Принцем, будто все это было в какой-то иной, не мною прожитой жизни. То небо надо мной сияло крупной россыпью звезд на другом конце нашего земного шарика, в Афганистане. Именно там оно меня впервые поразило своей бездонной глубиной.

Ну а рубежом между тем, среднеазиатским, небом и похожим на него небом нынешним пролегла студеная Сибирь, где небо тоже другое, не такое, как там или тут. Да и не то, какое было дома, в Подмосковье.

Удивления достойно: окружает наш крохотный мирок одна и та же атмосфера. 60 процентов азота, пятнадцать кислорода, толика углекислого газа и других примесей, замкнутая спасительным для всего живого и в то же время таким ранимым озоновым слоем – а свет звезд пробивается на разных широтах по-разному.

...Странно, почему я так люблю глядеть в ночное небо? Что меня так тянет туда, в эту бесконечность мирозданья, в эту вселенскую пустоту, космический холод, пронизанный всевозможными излучениями и лишь слегка разбавленный эфемерным эфиром, по божественному недогляду не приспособленные под среду обитания человека? Что стоит за этой моей подспудной тягой ввысь? Мистическое ожидание, что со временем именно там, в некоем неведомом эфирном блаженном эмпирее, навеки, растворившись, упокоится моя душа, не имеющая покоя в этом мире? Или же наивная мечта о том, что хоть там, в беспредельной вышине, за хрустальным небосводом, нет той липучей грязи и смрадной мерзости, что окружают нас в этом

бренном мире, которые попросту затапливают нас и из которых мы не в силах ни выбраться, ни избавиться от них? Право же, не знаю.

Да и плевать мне на все эти философские рассуждения, если честно. Я особенно не задумываюсь над этим, лишь очень люблю глядеть в ночное небо. Быть может, просто-напросто потому, что когда глядишь в него, чувствуешь себя освобождающимся от земных проблем и забот. Даже там, в лагере, и то я становился свободнее, когда глядел в звездную россыпь неба... Хоть немного, а свободнее. Пусть тело мое по-прежнему оставалось облаченным в арестантскую робу, пусть меня по-прежнему окружала колючая проволока, пусть я знал, что Лесник по-прежнему точит на меня зуб, упорно выжидая удобный момент, чтобы поквитаться со мной – когда выдавалась свободная минута, я ложился и глядел вверх. И становилось легче. Будто сама душа моя по лучику взгляда воспаряла над тем миром, который какой-то безнадежный романтик обозвал лучшим из миров.

У мусульман есть мудрая легенда или притча – уж не знаю, как правильнее ее назвать – про двух ангелов. Звали их Харут и Марут. Обитая на небе и состоя в свите Аллаха, они были исключительно рафинированно-образцово-показательными, громогласно осуждали людские грехи и добросовестно доносили Всевышнему о том, сколько нехороших дел творится на Земле. Однако Аллах оказался руководителем неглупым и отправил их обоих в командировку с каким-то поручением в мир земной. И получилось именно так, как и должно было получиться: эти святые поборники нравственности, оказавшись среди грешников, напились в первом же кабаке, изнасиловали женщину и убили мужчину, который оказался невольным (или по воле все того же мудрого Аллаха?) свидетелем этого преступления... Мораль: легко и просто быть святым на небе – а вот попробуй сохранить белоснежную святость одежд и души здесь, на грешном белом свете!

Что и говорить, мудрый и дальновидный мужик, этот Аллах, однако в данном случае дал маху, не туда направил своих ангелочков! Сюда бы их, в наш отряд, мы бы их быстро перевоспитали, крылышки им пообкарнали.

...От созерцания неба и размышлений меня отвлек негромкий окрик.

– Воздра, Просвет!

Радомир произнес мое прозвище на сербский манер – Прсвет, полностью проглотив первую гласную и едва обозначив вторую, хотя умудрился ударение сделать именно на отсутствующем «о». В сербском языке вообще мало гласных букв, здесь их будто проглатывают. И поздоровался он на местном полууголовном сленге, по блатному, как сказали бы мы, по шатровачке, как говорят сербы. По культурному он сказал бы «здрavo», хотя, по большому счету, это одно и то же.

– Что, Радик?

Серб не любит, когда его так называют, по-русски уменьшительно. Поэтому я сейчас позволяю себе это сделать только потому, что мы наедине. Мы с ним дружим, а самолюбие друга необходимо беречь.

– Пора, – коротко сообщил Радомир.

Мы с Радомиром Станичем уже давно ходим на задания в паре. Едва не с первых же недель, как я прибыл в состав РДО – Русского добровольческого отряда. И у нас уже выработался свой язык, состоящий из немыслимой смеси русских и сербских слов, к которым каждый из нас без проблем может примешать что-нибудь, например, из английского или французского. А то серб может ввернуть что-нибудь и по-украински – до меня в паре с Радомиром ходил какой-то хохол, который погиб около года назад, подорвался на mine, едва ли не единственный раз отправившись на разведку без своего постоянного напарника... Ну да это неважно, на каком языке мы общаемся – главное, что мы друг друга прекрасно понимаем. Во всяком случае, я его, по большому счету, понимаю лучше, чем, скажем, некоторых ребят из моего отряда, хотя уж с ними-то мы с пеленок говорим на одном языке.

Поднявшись, я сильно, до хруста в суставах, потянулся, подхватил автомат, поправил ремень, поддернул поудобнее вещмешок...

– Ну что, пошли?

При ярком свете луны было хорошо видно, как Радомир привычно и коротко вскинул глаза к небу.

– Помогай нам, Христос! – скороговоркой пробормотал он, разом лишив имя Спасителя всех гласных звуков.

Вообще-то во время выходов серб полагается больше на себя самого, на автомат и на свой длинный, слегка изогнутый, нож, да еще на напарника, чем на некие высшие силы. Так что прошение к Господу о помощи у него не более чем ритуал. Да и не у него одного. По-настоящему набожных людей по эту сторону линии фронта я встречал не так уж много. Хотя перед боевым выходом молятся многие. В том числе и наши, русские, ребята, хотя, казалось бы, они воспитывались в атеистическом духе. Наверное, просто очень хочется верить в удачу. При этом наши парни не читают молитвы, которых, скорее всего, не знают, а запросто просят у Господа «если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой». И никто никогда за это панибратское обращение не осуждает.

Мусульмане (муслики, как мы их называем) – другое дело. Едва муэдзин протяжно завоет с минарета, они все сразу бросают, разворачивают молитвенные коврики, которые всегда таскают с собой, и начинают истово бить поклоны в сторону Мекки... Тоже, кстати, любопытно: когда муслик один, как правило, ему на эти поклоны начхать с того же самого минарета, точно так же, как, к слову, и на запрет на употребление свиного сала или, скажем, ракии. Зато когда тот же правоверный находится на глазах у другого мусульманина, не говоря уж если в толпе единоверцев – так прямо более ревностного верующего на свете не сыщешь. Будто соцсоревнование у мусликов проводится по демонстрации внешних проявлений степени искренности своей веры.

У нас в отряде по этому поводу сложилось мнение, что эти лицемерие, двуличие, нечестность заложены уже в самой их вере. Взять, например, великий пост, рамадан. Аллах велел правоверному сорок дней вообще ничего не есть. И ведь прекрасно знает Всевышний, что это невозможно для того организма, который он сам же сотворил по образу и подобию своему. Он прекрасно понимает, что едва закатывается солнышко, мусульмане наваливаются на еду, отъедаются за дневное воздержание, да еще обжираются впрок, в надежде, что Аллах в темноте этого не видит и никогда не узнает. А днем каждый признающий, что «нет бога кроме Аллаха, а Магомет – пророк его», опять истово бьет поклоны, делая вид, что постится, бедняга, и с голоду разве что не помирает. И так – по всему мусульманскому миру. Так и обманывают друг друга всю жизнь. Да что там жизнь – целую вечность.

...Потом у нас со Станичем последовал еще один ритуал. Мы с Радомиром качнули руками и на счет «три» выбросили пальцы. В этот раз в сумме вышло девять. Нечет, делится на три. Значит, идем по третьей тропинке. Понятно, что нас могут встретить и там, да только при выборе маршрута движения сподручнее довериться слепой удаче, чем пытаться выбрать тропу сознательно, надеясь на трезвый расчет или на интуицию. Разведка – это непредсказуемое переплетение случайностей, так пусть и маршрут движения тоже избирает слепая случайность.

Или она все-таки не такая уж слепая? Кто ж ее знает? Главное, что до сего момента она нас с Радомиром – тьфу-тьфу-тьфу! – ни разу не подводила. Значит, быть по сему и в этот раз!..

А бездонное ночное небо все так же равнодушно смотрело на нас. Уходили охотники за мамонтами или саблезубыми тиграми. Отправлялись в поход на варваров римские легионеры. Крестonosцы усаживались на коней, чтобы отвоевать Гроб Господень. Скакали по степи казаки, отстаивая право на волю в своем ее понимании. Ползли по «ничейной» земле пластуны и разведчики...

Вселенской бесконечности всегда было не до наших крошечных проблем, ради разрешения которых двуногие существа, именующие себя людьми, тысячелетиями беспощадно уничтожают друг друга.

Нам должно быть стыдно перед Мирозданием.

А ведь не стыдно...

2

Нам оставалось миновать только передовой положай, где сегодня службу несли наши казаки. Тут, как правило, существует разделение, так сказать, «секторов ответственности»: имеются положай, где службу несут только русские добровольцы, а есть – где только сербы. Да и график дежурств у нас разный. Мы меняем друг друга каждые двое суток. А у сербов в график втискиваются еще двое суток, которые военнослужащий проводит дома. «Не война, а курорт», – ворчат наши.

Сегодня наш путь проходил через положай, где находятся наши. Очередь дежурить выпала казакам. У нас с Радомиром уже давно сложилось: чей положай проходим, преодолевая линию «фронта», тот из нас и отвечает на окрик дозорного. В том смысле, чей по принадлежности – русский или сербский.

Слово «фронт» я сознательно беру в кавычки. Потому что фронта как такового, в том виде, как мы привыкли видеть в кино «про войну», тут не существует. Имеется не слишком густая цепочка опорных пунктов с обеих сторон – и все. А между ними можно нарваться только на дозор или, чего можно больше ожидать, на засаду или минное поле.

– Стой! – донеслось из темноты. – Пароль шесть.

– Два, – отозвался я.

Эту систему в нашем отряде ввел я, потому что она, именно такая система, на мой взгляд, гораздо надежнее традиционной. Суть ее вот в чем. На ночь назначается какая-то цифра, как сегодня, например, восемь. Часовой окликает приближающегося и называет какую-нибудь, наобум, цифру, а окликаемый должен тут же среагировать и назвать другую, чтобы они в сумме давали назначенную, которая менялась каждый вечер. Сербь действовали по старинке, выбирая для паролей и отзывов названия городов.

– Кто идет? – уже иначе, расслабленно спросил голос из тени, отбрасываемой сложенным из камня бруствером.

– Беспросветный.

Дозорный витиевато, хотя и негромко, выругался. В чуткой ночной тиши я это услышал, однако вслух на ругательство не отреагировал. Понял, в чем дело – у казака, наверное, кончилось курево и он сейчас «стрельнул» бы сигаретку, да разве ж она может быть у некурящего?

– Куда направляетесь, капитан?

Мы уже присели возле положая.

Положай – это позиция. Очень точное славянское слово, между прочим, в пик нашей заимствованной у французов «позиции».

Уж не знаю, хорошо это или плохо, но славянские языки вообще легко впитывают, абсорбируют в себя слова иных народов. Поскреби большинство абсолютно русских слов, и увидишь, что под привычной оболочкой кроется совершенно неведомый нам корень. Огурец, телега, ракета, деньги, богатырь... Да мало ли что еще? Французы, например, неведомому заморскому овощу и то дали свое собственное, хотя и несколько нелепое, название, «золотое яблоко» – помм д'ор. А уж мы его перекутили в родной «помидор». Да и вообще, какой след мы оставили, скажем, в той же французской лексике? Спутник, самовар, казак... Все? Даже слово «бистро», которое прочно вошло во французский с нашей подачи, когда наши предки с Алек-

сандром Первым Благословенным взяли Париж, теперь с благоговением внедряем у себя в Москве!..

Короче говоря, мы присели у положая.

– Тебе ответить или не надо? – хмыкнул я.

В самом деле, разве уходящему на разведку подобные вопросы задают?.. Правда, казачок может просто не знать, что мы уходим ТУДА. Ну да он и сам мог бы догадаться, что мы не от нечего делать слоняемся ночью по передовой. В конце концов, я человек, существо дневное, а потому в темное время суток предпочитаю спать.

Только теперь я разглядел, с кем именно разговариваю. Это был Сашка, которого невесть по какой ассоциации окрестили Слобода.

У нас тут вообще многие, почти все предпочитают, чтобы их называли по прозвищам или просто по именам. Сказать честно, хоть я тут уже полгода, а фамилий всех добровольцев в своем отряде так и не знаю. Да и сам представляюсь как Беспросветный. Правда, сербы сократили прозвище до Прсвета, но я не в обиде, как говорится, хоть горшком назови, только в печь не сажай...

– Как обстановка, Саша?

Слобода ответил лениво, расслабленно.

– Все тихо, капитан. С вечера муслики что-то пошевелились, ну а потом все стихло.

Пошевелились – это плохо. Пошевелились – значит, и сами могли разведчиков или диверсионную группу к нам заслать. А может просто мин понатыкать там, где их вчера еще не было. Мины же здесь – это беда. Вернее, они везде беда, но тут особенно.

– Где ты их заметил?

Казачок шевельнулся, вытянул слегка белеющую в тени руку:

– Вон там, возле памятника.

Никогда из них вояк не получится.

– Эх, Сашка-Сашка... – начинаю я укоризненно.

Однако Слобода и сам уже поправляется:

– В районе ориентира три.

– Вот это другое дело.

Я удовлетворен. Значит, хоть что-то от моей науки в их памяти остается.

Однако информация настораживает. Потому что ориентир три, памятник хрен знает какого века – ибо видел я его вблизи только ночью – находится почти на направлении намеченного нами движения.

Словно подслушав мои мысли, подает голос Радомир.

– Прсвет, может, пойдем по другой тропе?

У меня и у самого страстное желание изменить намеченное направление. Но...

– Нет, только по этой, – отвечаю твердо.

Серб ничего не говорит. Но я едва ли не кожей чувствую, как от него струится недовольство. Его можно понять. Да только ведь и я не отступлю.

Формально в нашей паре старшим является он. Все же местный, округу знает, языком владеет... Кроме того, что ни говори, а мы, русские, тут действуем в интересах их, сербов. Однако так уж у нас сложилось, что он свое старшинство постепенно, без споров, уступил мне. Без ложной скромности, это вполне оправданно. По возрасту Радомир мне едва ли не в сыновья годится, в военном отношении опыта у меня побольше, в житейском плане – и подавно. Сам он, конечно, разведчик от Бога. Да только этого мало – нужно еще чтобы данные от природы задатки развить. Без опыта да науки любой талант на корню сгниет.

Короче говоря, реально я в паре старший. А это значит, что могу не разъяснять свое решение. Что и делаю. Пусть списывает на упрямство.

Хотя упрямство тут не причем. Просто измени мы сейчас направление, что бы потом ни случилось, будем считать, что причина в том, что мы попытались судьбе не покориться. А ее, судьбу, ломать бесполезно. Ее, лапушку стервозную, ублажать надо, любимую...

Есть такая легенда. Некий человек от оракула узнал, что завтра на такой-то дороге его будет подстерегать смерть. И он решил судьбу обмануть. Отправил по этой дороге своего раба, который должен был бы назваться его именем. Смерть и в самом деле встретила человека. «Кто ты?», – спрашивает его. Раб назвался именем своего господина. Смерть только усмехнулась своими голыми челюстями: «А я его жду завтра на другой дороге»...

Мораль: от судьбы не уйдешь. Рожденный быть повешенным на прокорм ракам не попадет.

Ну и так далее...

Но это все абстракции. А нам нужно идти вперед. Навстречу все той же судьбе-индейке, для которой наша жизнь – та самая копейка, которая уже прочно выпала из российского денежного оборота.

– Ладно, Сашка, пока.

– Счастливо, капитан! – говорит в ответ Слобода. – Ни пуха вам!..

– К черту!

Я вдруг представил, какими глазами на меня смотрит сейчас этот парнишка. С восхищением, робостью, немного с завистью и с облегчением, которое он тщательно старается скрыть даже от самого себя. С облегчением от мысли, что он остается за надежным каменным брусом, в то время как мы с Радомиром должны отправляться в ночь, в неизвестность, в тыл жестоким и кровожадным мусликам. Получи Сашка приказ, он бы обязательно пошел с нами; однако сейчас, не получив этот приказ, остается с досадой, которую тщательно старается себе внушить.

Мы поднимаемся и, миновав пологий, бодро шагаем по открытому месту. По коже словно проходит волна легкой дрожи. Интересно, так бывает только у меня или же у каждого, кто выходит на разведку?.. Все, это уже не наша земля. Пока «нейтралка». «Ничейная» земля... Какой абсурд! Земля не может быть ничейной. Более того, она не может быть «чьей»! Она общая, наша Земля! Это мы, люди, разбежавшись от недостроенной Вавилонской башни, размежевали ее границами. Это мы, люди, уничтожая друг друга, ввели термин «нейтральная» или «ничья» земля.

Однако, кто бы это ни сделал, она, эта «нейтральная», земля, существует. И мы сейчас на нее ступили. Но скоро она станет уже ИХ землей. Оставаясь все такой же, предгорно-каменистой, поросшей клочковатой травой.

Луна светит, словно прожектор. Мы сейчас видны издалека, как на ладони. По такой ночи нужно бы ползком, ползком пробираться. Однако мы не прячемся. И в этом нет бравады. Просто-напросто пришлось бы слишком долго и далеко ползти, стирая о природный щебень одежду на локтях и коленях, сдирая в кровь свою плоть. К тому же тут нет, как я уже говорил, сплошной линии фронта, а потому вполне можно было рассчитывать, что именно сегодня на нашем участке не выставили секрет.

Риск, конечно, был, и риск серьезный. Быть может, именно сейчас пулеметчик «насаживает» нас на мушку своего «маузера» или MG. А то и родного нашего «Калашникова», которых подозрительно много вдруг оказалось у югославских мусульман и католиков-хорватов после вывода наших войск из Восточной Германии. И, призвав на помощь имя Аллаха, медленно и аккуратно, чтобы хватило одной очереди, ведет на себя указательный палец, нажимая спусковой крючок... Ну да тут уж ничего не поделаешь – война это война, как ни банально это звучит.

Тем более скоро мы достигнем ложбинки, в которую сможем нырнуть и тогда не будем уподобляться пресловутым тополям на старинной московской улице. Правда, в той ложбинке и на мину налететь куда легче.

Мины – это подлинный кошмар позиционной войны. Особенно если их, этих мин, на складах полно, доморощенные саперы наловчились их устанавливать, что делать, по большому счету, совсем нетрудно, в то время как никто не объяснил им, что такое карточки и карты минных полей и зачем они нужны.

В свое время французы, защищая свои колонии в Африке, обнесли Алжир многосоткилометровыми минными полями. А потом, когда вынуждены были ретироваться оттуда, вывезли и карты минных полей. Новые алжирские власти, столкнувшись с этой проблемой, обратились ко всему миру: помогите освободить нашу землю от мин. Французы тут как тут: нет проблем, только заплатите!.. Та история закончилась банально, как сказка про Иванушку-дурачка: нашелся добрый бескорыстный дядечка, который все сделал «запростотак». Этим дядечкой стал для Алжира Советский Союз, который прислал в помощь новому союзнику первоклассных специалистов, которые освободили их землю от мин. Но суть моего экскурса в ином: Франция выдала карты минных полей по первому требованию, что значительно облегчило работу саперов.

К сожалению, на войне такое бывает нечасто. В том же Афгане мы столько мин понатыкали без всякой системы, просто для того, чтобы натывать... То же и тут, в Югославии. Будущим саперам работенки достанется – будь здоров. Тем более, подчеркну, смертоносные поля тут разбрасывались безо всякого плана. Ну а сколько случайных жертв они подстерегают – страшно представить. Самое страшное в любой войне – это смерть людей, которые, как это ни кощунственно звучит, становятся побочным продуктом процесса умерщвления себе подобных...

Вот она, долгожданная ложбинка. Мы ныряем в нее. Все, теперь мы уже не так видны. Здесь тень, кустарник, деревца. Когда начинаются дожди, по ее дну весело прыгает по порожкам резвенький ручеек. Сейчас сухо и мы с Радомиром именно вылизанный водой каменистый желобок именуем между собой третьей тропинкой.

...Странное свойство у лунного света. Он рельефно выделяет, снабжая глубокими беспросветными тенями, самые незначительные неровности почвы – и в то же время скрывает, не проявляет крупные ямы; он серебрит, четко очерчивает каждый листик на веточке, каждую травинку – и при этом из самого жиденького кустика создает непроницаемую для взгляда преграду.

Соваться при такой луннице в заросли, в которых может оказаться засада – на подобное способен только полный идиот. Однако мы с Радомиром не такие уж дураки, как может показаться. Мы рассуждаем иначе: муслики ведь тоже считают, что идиотов среди нас немного, а потому держать тут постоянный положай или «секрет» – слишком накладное дело. Потому мы тут ходим, хотя и нечасто, а противник тут, скорее всего, выставляет засады, но тоже нечасто. Пока, до сих пор, нам везло, мы тут ни с кем не сталкивались. Хотя и понимали, что до бесконечности это, скорее всего, не продлится. Во всяком случае, будем надеяться, что мы с противником если и столкнемся, то не сегодня, а в следующий раз... Даже нет, не так, не в следующий, а когда-нибудь в необозримо неопределенном будущем.

Наши шаги разносятся далеко, каблучки гремят неимоверно гулко. Умом понимаешь, что это не так, однако ничего не поделаешь, впечатление остается.

Сейчас ложбинка делает крутой поворот направо, к югу. Я останавливаюсь, приседаю, выставив автомат. Сзади стихают и шаги Радомира. Не оборачиваюсь, и без того знаю, что он тоже сейчас на корточках. Воцаряется полнейшая тишина, которая нарушается лишь гулкими ударами собственного сердца. Реально, конечно, ночная тишина – понятие относительное. В ней смешались и шорох ветерка, и переключка ночных птиц, и дребезжание цикад, и невероятное смешение других звуков... Только на них сейчас не обращаешь внимания, не замечаешь их, словно бы оставляешь за скобками. Потому что эта ночная какофония является не более чем фоном, на котором могут проявиться иные, опасные для нас звуки.

Как дикий зверь или охотничья собака, я с жадностью втягиваю ночной прохладный воздух – не принесет ли он того, что нередко выдает засаду: дух чужого тела, сигаретный дымок, аромат одеколона или же кирзовый или юфтевый «духан» новых ботинок. Нет, ничего не чувствуется, ничем посторонним не пахнет.

– Чшш, – едва слышно прошипел я.

Сзади эхом звучит такой же звук. Все в порядке. Можно идти дальше.

Согнувшись, держа автомат наизготовку, подвигаюсь вперед. Все, это уже не наша территория, случись что – здесь нам уже никто не поможет. Даже если вдруг весь наш отряд поднимется, даже если сербы помогут, даже если артиллерия поддержит – все равно в лучшем случае нашим достанутся лишь холодные трупы храбрецов, погибших за славное дело освобождение всех славян.

В такие минуты, когда понимаешь, что уже сделал этот последний шаг, окончательно отделивший тебе от товарищей, меня вдруг охватывает тоска и досада на себя. Пульсирует мысль... Даже не так, не мысль пульсирует в голове, а вскипает из души настроение, которое в двух словах и не передашь.

В конце концов, с тоской нашептывает внутренний голос, что же, лично тебе больше всех нужно это освобождение всех славян? Какого лешего ты сюда лезешь, в то время, как нормальные люди спят в блиндаже и видят третий сон? Зачем тебе лично все это нужно, если раздраемый противоречиями славянский мир сам не желает противостоять засилью американизированной культуры, если он сам, этот славянский мир, безропотно ложится под агрессивных соседей? Что, по большому счету, в мире изменится от того, что сейчас по тебе полоснет из-за куста автоматная очередь? Ведь никто нигде на белом свете даже не вспомнит, даже не всплакнет, даже не узнает никогда, где именно, за какие высокие идеалы погиб капитан в отставке Константин Васильевич Коломнин, которого тут знают только как капитана Беспросветного?..

Потом, позже, это настроение постепенно затихает, затухает, растворяется, выветривается, улетучивается, тихонько сворачивается в клубочек и притаивается в самых потайных уголках души или подсознания. Чтобы неудержимо вскипеть в следующий раз, когда я опять переступлю незримую черту, на которой обрывается возможность того, что на военном языке именуется огневой поддержкой.

...За поворотом ложбинки нас никто не поджидал. Самая опасная точка нашего маршрута оказалась пройденной без происшествий. Она и в самом деле самая опасная. Потому что самая удобная для засады, а, следовательно, и самая, как бы это сказать, «засадоопасная». Дальше напороться на специально организованный против нас положай вероятность значительно меньше. А значит дальше мы будем с противником на равных.

Какое-то время мы идем в полный рост. Только шуметь стараемся по возможности поменьше. Потому что теперь необходимо продвинуться как можно дальше в глубь обороны мусульман. Нужно пользоваться светом ночного светила, который теперь очень даже кстати. Когда Селена закатится за клык Черной горы, идти будет куда труднее.

Мысли соскальзывают на вопросы этимологии. Странно, но почему-то у очень многих народов имеются Черные горы. Черные горы есть у коряков и на Ямале, Черни-Врых дыбятся над столицей Болгарии, над Красноярским водохранилищем также царапает небо Черная гора, Карадаг имеется в Турции и в Иране... Ну и так далее. Белых, синих или серо-буро-малиновых гор в мире куда меньше.

Вот и здесь с юго-запада торчит Црна брдо, Черная гора. Хотя на самом деле она не черная. Может, это просто историческое название, может, некогда тут что-то произошло, что запечатлелось в памяти народа, ассоциируясь со словом «черный».

А народная память – понятие уникальное. Под Ашхабадом имеется ущелье, которое называется Фирюза. Место чудное – не случайно до саморазвала страны там располагались всесоюзные курорты. В самое жаркое лето температура там была вполне приемлемая, градусов

на пятнадцать ниже, чем за его пределами. Рассказывали, что когда сто лет назад проводили границу между Российской империей и Ираном, Александр Третий, с подачи умных подданных, естественно, на солидные территориальные уступки пошел, только бы оставить за собой Фирюзу.

С чего это я вдруг вспомнил это ущелье? А, вот! Почему оно так называется? Есть легенда, что будто бы некогда, когда Туркменистана еще не было как такового, сюда с юга шли захватчики. А в предгорьях Копетдага, где обитали племена пратуркмен-огузов, жила семья – семь братьев и сестра по имени Фирюза. Они обратились к соплеменникам с призывом объединиться и дать отпор пришельцам. Однако их никто не поддержал, соседи просто откочевали подальше. И тогда на бой отправились только семь братьев. Они устроили завоевателям классическую горную засаду – дождавшись, пока те втянутся в благодатную долину, обрушили на них лавину камней. Сколько погибло захватчиков, история умалчивает. Да только семеро против войска... Короче говоря, погибли все семеро. А Фирюза, пытавшаяся им помогать, сама бросилась в пропасть, чтобы не попасть в руки врагам.

До сего момента легенда еще похожа на правду. Ну а потом начинается явная сказка. За что я, должен признаться, не осуждаю туркмен. Каждому народу нужны сказки и сказочные герои.

Сказка вот в чем. Народ, вдохновленный подвигом, объединился и разгромил врагов. А на месте, где погибли братья и сестра, вдруг выросла огромная чинара о восьми стволах. Она, эта чинара, по сей день стоит, правда, двух стволов у нее, невероятно старой, уже не хватает. Находится она на территории военного санатория, куда со всего округа направляли на реабилитацию офицеров, переболевших гепатитом. Там, к слову, некогда работал мой добрый друг, майор Саша Шнайдер.

...От воспоминаний меня вдруг отвлек чуть слышный свист Радомира. Занесло меня в мыслях, етить меня налево!

3

Остановил меня свистом, естественно, Радомир. Если бы меня обнаружил муслим, окликать не стал бы. Полоснул бы короткой – и все... Чушь какую-то подумал. Прав Газманов: мысли – они словно скакуны, куда занесут неведомо.

...Услышав свист, по уровню звука больше похожий на шелест травы в безветренную погоду, я тут же рефлекторно присел, привычно выставив автомат.

Это азбука разведчика – присесть и выставить автомат. Присесть – потому что в качестве мишени сразу становишься значительно меньше и есть вероятность, что тебя не заметят; в таком положении нетрудно вертеться, оглядываясь; при необходимости легче залечь; а кроме того, если уж тебя заметили, выстрел, рассчитанный на взрослого человека нормального роста, пройдет выше головы. Выставить автомат... Попробуйте найти человека, который попытается объяснить, что это делать необязательно!

Кстати, еще одна заповедь разведчика в подобной ситуации: ни в коем случае не оборачиваться на сигнал товарища, а самому искать источник опасности. Потому что обратиться к спутнику за разъяснениями – значит отвлечь и себя и его. Тем более в такой темноте, когда он даже жестом не сможет обозначить, откуда, по его мнению, может исходить опасность.

Что именно насторожило Радомира, я понял сразу. Более того, увидев, подсадовал на себя, что, увлеченный воспоминаниями и размышлениями, не обратил внимания на столь очевидную вещь. Правильно подмечено, что длительное благополучное течение событий расхаживает, успокаивает.

В разведке ни в коем случае нельзя отвлекаться на посторонние мысли. Но куда ж от них денешься, если лезут, проклятые, в голову, убаюкивают, растекаются мыслью по древу и мчатся сизым орлом под облака...

На данном этапе движения нам начинали хлестать по лицам ветки густо разросшегося по склонам ложбинки кустарника, который не посягал лишь на отполированное каменное ложе сухого нынче русла, по которому шли мы. Луны отсюда не видно, а потому, хотя вверху еще было достаточно светло, тут царил густой мрак. Однако сбиться с пути просто невозможно – чуть более светлый среди темноты желобок ручейка, словно дорога из желтого кирпича из старой сказки, должен был привести нас куда надо.

Должен был бы привести. Но теперь это утверждение оказывалось под вопросом. Потому что впереди явственно обозначилась какая-то черная тень, которая перечеркивала наш светлый путь вперед.

В тылу врага никогда не знаешь, что лучше – когда все идет убаюкивающе спокойно или же если случаются подобные вводные. Как ни крути, а шука в озере для того и имеется, чтобы карась не успевал облениться. Хотя, конечно, с точки зрения карася было бы куда лучше, если бы этого озерного тигра не существовало в природе вовсе. Диалектика!

Нет сомнения, что эта темная тень впереди появилась тут отнюдь не случайно. Значит, приближаться к ней ни в коем случае нельзя. И, еще раз значит, снова придется выбираться на поверхность, под струящийся с неба предательски яркий лунный свет.

Радомир легонько коснулся моего плеча. Только он умел так бесшумно подбираться.

– Я посмотрю, – чуть слышно сказал он.

– Нет, – ответил я.

Он не ответил. А я между тем лихорадочно соображал. Сашка Слобода говорил о том, что муслики где-то в районе памятника сегодня шарились... Правильно, это как раз где-то в этом районе выходит.

Неспроста все это, ох неспроста. Что ж, как говорится, будем решать проблемы по мере их поступления. Приходилось принимать решение об изменении плана разведки.

По-прежнему не оборачиваясь, я протянул руку назад, нащупал ладонь Радомира. Слегка потянул ее в выбранном направлении.

Все, теперь решение принято и спорить нельзя. И хотя я и чувствовал по легкому сопротивлению, что серб не считает мой план оптимальным, ему сегодня придется мне подчиниться. Потому что тут, перед неведомой опасностью, не до противостояния амбиций, тут не до споров. В подобной ситуации не бывает решения правильного и неправильного – тут есть только решение. Ставка – жизнь.

Как говорил Наполеон, в бою лучше лев над стадом баранов, чем баран над стадом львов.

Надо сказать, у нас с Радомиром подобные инциденты, замешанные на взаимном непонимании, происходят исключительно редко. Скорее всего, именно поэтому у нас до сих пор не было осечек. А сегодня... Сегодня все началось с его предложения изменить маршрут. И с того момента уже в который раз мы расходимся во мнении. Пусть это не выражается открыто, только суть от этого не меняется. Не к добру, ох не к добру – услужливо, но с нескрываемой ехидцей высунулся внутренний голос. Заткнись, без тебя разберемся, – обозлился я на собственное второе «эго». А обозлился потому, что боялся, что он прав.

Логичность позиции Радомира я осознал буквально с первых шагов, когда свернул с накатанной колеи. Карабкаться по склону, в кромешной тьме, сквозь непролазно-густые колючие заросли... Однако и отступать было поздно. И даже не в амбициях дело. Просто решение принято и оно должно быть доведено до завершения. Личные неудобства тут в расчет приниматься не должны. Азбука: наличие решения, пусть даже неверного, лучше, чем отсутствие решения как такового.

Сзади ломился сквозь кусты Радомир. Можно представить, что он сейчас думает обо мне. И это плохо. Потому что в подобные моменты в отношении друг друга даже малейшего раздражения быть не должно. Он потом поймет мою правоту и признает ее. Но это будет потом. А пока серб раздражен.

Кустарник оборвался внезапно. Словно ножом его край срезан. Просто здесь, на каменном плато, ему уже не хватает влаги.

Выходить на открытое место я не стал. Присел, отдыхая и дожидаясь, пока сзади подойдет Радомир. А сам внимательно оглядывал тот небольшой сектор, который оказывался в поле зрения.

Луна уже спряталась за Црна-брдо. И теперь ярко освещенное ею звездное небо делало еще непрогляднее тьму на равнине. Нас это вполне устраивало – теперь отраженные лучи прибежища селенитов были бы союзниками мусликов.

К моему удивлению я не услышал, как приблизился Радомир – казалось, бесшумно двигаться в этом переплетении ветвей и колючек просто невозможно. Потому, когда серб легко коснулся моего плеча, я даже вздрогнул, до того это произошло неожиданно.

А он едва слышно прошелестел:

– Положай.

Как он «вычислил» позицию мусульман, как его прочувствовал, не знаю, было не до выяснений. Главное, что он его вычислил. И теперь все зависело от того, много ли на положе людей, сумеем ли мы его миновать или, напротив, уничтожить. Хотя последнее нежелательно. Поднимать тревогу во вражеском тылу нам сейчас никак не климатит.

– Где?

Наверное серб попытался указать направление рукой, но и сам понял, что я ничего увидеть не смогу. У меня в отряде был один мужик, Василий Баламут, тот мог в темноте видеть. Как сова. Не был бы он и в самом деле баламутом, цены б ему в разведке не было.

– Пив на втору, – по западноукраински дал направление Радомир.

Так у нас с ним сложилось, что направление ночью мы указываем именно таким образом.

Дело в том, что «западеньцы» говорят не «половина второго», «пятнадцать минут шестого» или «без двадцати девять», а по-своему: «пив на втору», «четверть на шосту» или «треть до девятой». Мы с Радомиром условились, что направление, в котором мы идем – двенадцать часов, ну а остальные направления соответствуют циферблату.

Я повел глаза правее, но опять ничего не увидел. Что ж, доверимся инстинкту местного жителя.

– Посмотрим, – решил я.

Мы опустились на землю и поползли. Радомир ползком перемещался как ящерица, не тревожа ни одного камушка. Тут я с ним тягаться никак не мог. Во всяком случае, сам себе я напоминал ползущего бегемота.

Достигнув края лощины, я приостановился. И только теперь увидел то, о чем предупредил Радомир. Передо мной оказался бруствер, небрежно выложенный из камней. Куда он был направлен, как сориентирован, в темноте было не разобрать. Да это было и не столь важно. Куда важнее было иное: решить, как теперь поступить. Вариантов было только два: попытаться вырезать положе или, опять же, попытаться миновать его потихоньку. По всем правилам надо бы проползти потихоньку, чтобы не проявить своего присутствия в тылу противника. Но с другой стороны, если нам удастся задуманное, возвращаться мы будем, не исключено, с шумом, а тогда оставленная на пути отхода позиция вполне может преградить путь отхода. Да и та тень, что перечеркнула нам путь по оврагу, здорово смущала. Не могло так совпасть случайно: и тень, и вражеский положе.

Из-за бруствера слышался негромкий говор. Не люблю я, не научился убивать людей, которые не ожидают нападения. Однако делать это иногда приходится. Война есть война и законы ее суровы: или ты, или тебя. *Tertium non datur*, как говорили древние, третьего не дано.

Вытянув в сторону руку, я опять нащупал ладонь напарника. Слегка пожал ее. Он ответил тем же. Решено: нападаем!

Автомат оставляю на земле. Расстегиваю кобуру пистолета, слегка тяну на себя ремешок, чтобы удобнее было бы при необходимости ухватиться за рукоятку – правда, появляется риск, что он выпадет при борьбе, но зато и заминки не будет, когда потребуется. Извлекаю из ножен кинжал. Беру его в зубы. Снова вытягиваю руку. Трижды, с паузами, ударяю по подставленной ладони. После третьего удара ровно через десять секунд нужно броситься через бруствер. Главное – внезапность, взаимопонимание и синхронность действий. Если кто-то из тех, кто нас поджидает на положае, успеет схватиться за оружие, можно считать, что разведка провалена, а мы, скорее всего, уже покойники. Ну а в плен муслимам лучше не попадать. Самому себе разворотить живот гранатой – это райское блаженство по сравнению с тем, что они тогда со мной сделают.

«Раз – и, два – и, три – и...». Сколько их? Ночью вряд ли тут будет больше трех человек.

Да и то, находясь в своем тылу, маловероятно, что они все будут бодрствовать. Чапаева проспали, и это классический образец не только не только из нашей истории. Но кто-то ведь бубнит безостановочно – значит, по меньшей мере двое мусликов не спят.

«Девять – и... Десять!» Судя по легкому шуму, мы с Радомиром бросаемся одновременно. Я перемахиваю через бруствер, уже сжимая кинжал в руке. На решение – доля мгновения. Тут на разум полагаться – последнее дело, тут все решают первобытные инстинкты охотника на себе подобного соперника по ареалу обитания.

Кто-то лежит у тускло отблескивающего пулемета, выставленного в амбразуру. Мгновенный короткий удар ему кинжалом в шею, поглубже. Рядом слышится булькающее хаканье – это ударил Радомир. Чуть дальше кто-то шевельнулся. Мой напарник бросается туда, доносится легкий шум борьбы. Но я туда не смотрю и не лезу, мы вдвоем только мешаться друг другу будем, толкаться. Тем более, левее от меня видится еще что-то, похожее на человеческую фигурку. Фигурку маленькую, как будто даже детскую.

И я метнулся туда. Белеет лицо, раскрываются глаза. Я падаю на человека и зажимаю не успевшему со сна сообразить человеку руки за спину. Скручиваю, но не убиваю. Так поступать нельзя, это нарушение элементарных заповедей разведчика. В живых можно кого-то оставлять только в том случае, если на сто процентов убежден, что больше ни одного живого врага тут не осталось... Однако и убивать спящего...

Короче говоря, я только приставил сочащийся чужой кровью кинжал к шее пленника. Теперь все зависит от того, есть ли кто-то живой еще на положае. Если есть, меня сейчас убить не составляет труда. И Радомира я подведу, случись что, его кровь будет на моей совести.

И все же, повторяюсь, я не могу просто так зарезать спящего. Вернее, не совсем так, могу, конечно. Но только мне показалось, мне хотелось верить, что тут больше никого нет, а значит можно не проливать лишнюю кровь. Тем более, что – это главное – мне показалось, что это ребенок.

Мусульмане в своем фанатизме нередко используют детей для ведения войны. Бросая их в бой, нередко против танков или тяжелой артиллерии, мулла каждому ребенку, благословляя его на смерть, выдает пластмассовый ключик от рая на случай гибели. Рассказывают, что Илия Изетбегович, глава мусульман Боснии и Герцеговины, в молодости служил в гитлеровской армии, в СС, и занимался, в частности, подготовкой гитлерюгенд. Правда это или нет, не знаю, но то, что детишки с ключиками от рая встречались нам среди убитых мусульман, это факт. Сам видел.

Короче говоря, мне показалось, что это мальчонка. И хотя такие ребята отличались фанатической стойкостью в бою и, по рассказам, крайней жестокостью по отношению к пленным, убить ребенка я не мог.

Вокруг была тишина. Скрученный мной человек не пытался ни кричать, ни сопротивляться. Тонкая рука, которую я выкрутил ему за спину и подогнул к самому затылку, дрожала от напряжения. Рот был открыт, причем так широко, что у меня два пальца провалились в него и прижались к зубам.

– Все? – услышался тихий голос Радомира.

– Я скрутил одного, – тоже негромко ответил я.

Серб придвинулся ко мне. Судя по чуть слышному щелчку, он вогнал кинжал в ножны.

– Да? Напрасно, – прокомментировал он.

Вспыхнул тоненький, чуть заметный лучик фонарика. Он торопливо пробежал по полу.

Труп у пулемета. По камням уже широко растеклась лужа крови. Рядом скорчился другой человек, неестественно закинув голову к звездному небу; горло его широко и глубоко перерезано. Чуть в стороне лежит на животе еще один труп, крови на его темной одежде не видно, наверное Радомир убил его ударом в спину. Больше на полу никого нет. И лучик фонарика останавливается на моем пленнике.

– А, ипичку твою мать! – ругается Радомир.

Не понял. Что его могло так удивить?

– Пикнешь – убью! – шепчу я по-русски в ухо пленнику. – Понял?

Человек покорно, насколько позволяет заломленная к затылку рука, торопливо кивает. Я отпускаю ему рот, опять шепчу:

– Вторую руку!

Теперь остается их только связать. Что я и делаю.

Рывком переворачиваю его на спину. Лучик фонарика падает на широко раскрытые от ужаса глаза.

– Ну ни хрена себе! – не выдерживаю и я.

4

На меня во все глаза смотрела... девушка. Совсем еще молоденькая девушка, насколько можно было определить ее возраст в теньюсеньком лучике фонарика.

Да, под счастливой звездой ты родилась, подруга! Что меня удержало от того, чтобы не воткнуть жестокую сталь кинжала и в твою, созданную для жарких поцелуев, нежную шейку? Прямо вот в это беленькое, в темных прожилочках, горлышко...

– Пикнешь – зарежу! – пообещал я еще раз, вытирая окровавленное лезвие ножа тряпочкой, по несколько штук которых специально для таких целей всегда носил в кармане.

Правда, теперь я эти слова сказал просто от растерянности, чтобы хоть что-то сказать.

– Напрасно ты ее пожалел, – повторился и Радомир. – Что мы теперь с ней делать будем?

Спросил бы что полегче! Я и сам теперь думал об этом же. Но не добивать же теперь! Сразу, с наскока, в бою, убить можно. А ДОБИТЬ... Я так не умею. Как ни крути, а Радомир прав.

Ладно, что сделано, то сделано! Будем исходить из сложившейся реальности.

Я наклонился, взял ее за одежду на груди, рывком приподнял, усадил, привалив связанными за спиной руками к камням.

– Ты меня понимаешь? – спросил я ее на своем ломанном сербском.

– Да, – так же тихо ответила мусульманка.

Ну что ж, и это уже хорошо. Хотя с другой стороны, так оно и должно быть, наше взаимопонимание вполне объяснимо и понятно.

В принципе такой нации как мусульмане в природе не существует. В том числе и в Югославии. Мусульмане как таковые – это, естественно, всего лишь приверженцы религии, у которых нет бога кроме Аллаха, у которого, соответственно, только один пророк по имени Магомет. Мусульмане, как этническое образование, это изобретение Иосипа Броз Тито, югославского героя Второй мировой войны, а затем коммунистического диктатора, балканского аналога Иосифа Сталина или Мао Дзе-дуна. Именно маршал Тито в свое время придумал сербов православного христианского вероисповедания оставить собственно сербами, а тех же сербов, только поклоняющихся Аллаху и Магомету, в документах окрестил мусульманами. Мусульманами, получилось, не в религиозном смысле, а мусульманами в смысле вроде как этническом. Глупость, конечно, несусветная. Ну да так уже сделано. И теперь, в данной войне, этих сербов-магометан и называли муслимами или му с ликами.

Таким образом язык у сербов и мусульман практически один и тот же, хотя, конечно, некоторые лингвистические различия имеются. Впрочем, во всей Югославии в старых ее границах, до распада, люди друг друга понимали без особых проблем – от прогермански настроенной Словении, идеологические лидеры которой почему-то патологически желают, чтобы коренной народ республики считался альпийским народом, до Македонии, немалая часть народа которой не прочь присоединиться к Греции, где, как они, вслед за известным литературным персонажем, считают, все есть, Черногории с ее оригинальной версией православия, и Косово, где проживает немалая часть этнических албанцев.

Хорошее, все-таки, что ни говори, дело, когда у разных народов есть некий универсальный язык, облегчающий взаимопонимание. Нынешняя повальная англизация культуры в ее американизированной форме положение не спасает. Равно как и попытки создания некоего искусственного всеобщего языка, типа эсперанто или воляпюк... Право же жаль, что мы, славяне, словно ветви гигантского дерева, слишком далеко отошли друг от друга и потеряли тот единый праславянский язык, который позволял нашим предкам понимать друг друга на гигантской территории от верховьев Волги до Дании и от Баренцева моря до Адриатики...

– Тебя как зовут? – начал я допрос, присаживаясь возле девушки на корточки.

– Мириам, – тихо ответила она.

Мириам. Красиво. Что-то библейское. Или просто производное от Марии?

– Слушай меня внимательно, Мириам, – серьезно заговорил я. – Если ты не будешь дергаться, мы тебе ничего плохого не сделаем. Обещаю. Ну а если попытаешься бежать или кричать, я буду вынужден тебя застрелить.

Застрелить!.. Чуть не забыл. Ведь у меня автомат остался там, за бруствером!

– Я не буду кричать, – тихо повторила Мириам.

Очень хочется в это верить. Потому что и в самом деле убивать это красивое юное создание не хотелось. Не просто не хотелось – я не смог бы это сделать. Правда, тут же поправил я сам себя, Радомир сделает это без малейших колебаний.

Или все-таки тоже не смог бы сделать?

– Вы здесь были одни или поблизости есть еще положай? – задал я главный в данной ситуации вопрос.

– Недалеко есть еще один положай, там находится наш взвод, – быстро ответила девушка.

Скорее всего, она соврала. Уж слишком торопливо она это сказала. И неестественно преданно выглядели в это время ее глаза. Соврала... Только в чем соврала – что неподалеку находится целый взвод или же в том, что больше поблизости вообще никого нет?

– Мириам, не надо обманывать, – я постарался, чтобы слова, несмотря на то, что я говорил совсем негромко, звучали как можно грознее. – Отвечай еще раз: как далеко отсюда находятся ваши?

Так и есть, не ошибся. Ее глаза, не выдержав, вильнули в сторону.

– Только не ври! – вмешался Радомир и грубо выругался по-сербски.

Я почувствовал, как девушка вздрогнула от его тихого голоса, словно от окрика. Наверное, она уже поняла, что от него угроза исходит большая, чем от меня. Добрый и злой следователь... Классика!

– Мы тут были только четверо, – почти шепотом проговорила девушка.

Это было бы очень хорошо. Это было бы слишком хорошо для нас. Невероятно хорошо.

Поэтому я переспросил:

– Это правда?

Спрашивая, я взял девушку за подбородок, зафиксировал ее лицо, следя за ее зрачками.

– Да, правда!

Что ж, хочется в это верить. Но... Хочется верить, но не мешало бы проверить.

– Я сейчас подам голос, – сообщил девушке. – И если хоть кто-нибудь откликнется, тебе несдобровать.

Мусульмане на войне отличаются крайним фанатизмом и фатализмом. И тем не менее мне пришлось ей верить – потому что выхода другого у нас не было.

Я легонько, едва ли не нежно, приставил к шейке Мириам острие своего кинжала. Она засучила по твердому грунту ботинками, попыталась отодвинуться от меня, вжаться в камень. Ей это не удалось, естественно, только острый кончик кинжала чуть сильнее вдавился в ее нежную кожу. Рядом с гладким бугорком горла, там, где в глубине мышц и жил укрывается полнокровная сонная артерия.

– Ну так что? – спросил я еще раз. – Есть кто из ваших поблизости еще?

– Нет, – сдавленно проговорила она. – Никого нет.

Ну что ж... Надо рисковать.

– Пошуми! – велел я Радомиру.

Вполне естественно, что он это сделает более натурально, чем я со своим акцентом.

Серб что-то прокричал во тьму. Но прокричал негромко, чтобы его голос разнесся не слишком далеко над ночной сонной равниной. Ответом была тишина. Похоже, Мириам не врала. Что ж, это хорошо. Можно продолжать допрос.

Я убрал кинжал от ее горла, воткнул в ножны. Достал свой фонарик, осветил пологаяй, оглядывая его более внимательно. Он был приспособлен для ведения боя при круговой обороне, правда, со стороны сербских позиций бруствер выложен выше и мощнее, чем в сторону собственного тыла.

Надо сказать, оборудовать огневую позицию тут – каторжный труд. Земля каменистая, тяжелая. И когда видишь аккуратные ухоженные крестьянские поля, диву даешься, сколько же труда, причем, труда не одного поколения, стоило превратить эту каменистую почву в благодатную ниву!

Вспомнилось вдруг совсем иное. Вблизи Ашхабада некогда организовали полигон. Потом город надвинулся на него и встала проблема о том, что обучать солдат придется в другом месте. Выбрали место в предгорье, в районе, если не ошибаюсь, села Первомайского. Несколько лет солдаты на направлениях стрельбы собирали камни и выносили их с территории полигона. А когда началась «горбостройка», местные жители предъявили претензии: смотрите, какие изумительные земли вояки у нас оттяпали!..

Впрочем, я опять не о том. На плато, где находились мы с пленницей, земледельческой благодатью, как говорится, и не пахло. Пологай был оборудован по мере возможности с претензией на позицию полного профиля – заглублен почти на метр, вокруг, как я уже говорил, мощный бруствер с амбразурами, посередине укрытые от непогоды ящики...

– Зачем вам тут такой бастион? – спросил я у Мириам. – Вы что, ожидаете на участке прорыва сербов?

Спросил уже не шепотом, но вместе с тем стараясь, чтобы голос мой слишком далеко слышан не был.

Девушка отвечала покорно. Скорее всего, она была сломлена, а потому нужно было пользоваться моментом. Оправится от растерянности – опять начнет врать.

– Наше командование считает, что где-то здесь в наш тыл проникают диверсионные группы и разведчики сербов, – сообщила девушка.

– Какая догадливость, – саркастически обронил Радомир.

Действительно, как будто трудно это предугадать. Наша ложбинка словно специально для этого природой создана.

– Ну и что?

Мириам молчала.

– Мириам, я жду, – тихо сказал я. – Ты же видишь, что мы с тобой разговариваем нормально. Не заставляй нас принимать крутые меры.

Она опять не ответила. Я не собирался ей делать ничего плохого. И тем не менее, нужно было ускорять процесс.

– У нас нет времени, Мириам.

Опасаясь, что после этих слов она вздумает кричать, я быстро прижал ей ладонь к лицу. И тут же мне в палец впились ее остренькие зубки.

Первая мысль: значит, я среагировал вовремя и в самый раз зажал ей рот. Вторая мысль: как же больно, когда женщина кусается. Хорошо еще, что я был в перчатках, которые она не смогла прокусить.

Второй, свободной, рукой я схватил и сжал ей горло. Девушка затрепетала, задрожала вся, задержалась, пытаясь освободиться. Да куда там – руки у нее скручены на совесть... Как там, у Пушкина? Крепко скручены ей локти, попадетсЯ сербам в когти...

Теперь она уже не кусалась, жадно пыталась всосать ртом или носом воздух, да только как это сделать, сквозь две мужские руки – сжавшую горло и зажавшую рот?

– Ты нам не нужна, – понимая, что она мало что понимает, тем не менее постарался я ее успокоить. – Тут и останешься, если смерти хочешь.

Мириам смерти не хотела. Об этом говорили выпученные в ужасе глаза. Я чуть отпустил руку, она жадно глотнула ночной прохладный воздух, поперхнулась, попыталась закашляться. Однако я не дал, опять прижал перчатку.

– Ипичку матери! – выругался Радомир. – Кончить ее надо было!

Послышался шорох его башмаков по камням. Он удалился в темноту.

– Ну что, еще дергаться будешь?

Мириам затрясла головой. Пришлось отпустить. Потом ждать, пока она отдышится, судорожно скорчившись и хватая воздух широко открытым ртом.

– Короче говоря, Мириам, слушай меня внимательно! – сказал я жестко. – Ты отвечаешь на вопросы четко и ясно. В этом случае остаешься в живых и ничего плохого тебе никто не сделает. Если нет... В общем, сама понимаешь.

Девушка меня тоскливо перебила:

– Вы все равно меня убьете. Сначала... – она произнесла какое-то слово, которое я не понял, но о значении которого догадался, – а потом убьете.

Сразу – убил бы. И должен был бы сам убить. А так, пленного, да к тому же женщину...

– Я тебе даю слово русского офицера, – твердо сказал я, – что никто тебе ничего не сделает, если ты будешь меня слушаться и ответишь на все вопросы.

От удивления она даже жадно раскрытый рот закрыть забыла.

– Ты русо воевода?

– А ты что, по разговору не поняла, что я не серб?

Спросил тоже! Она с Аллахом общаться уже собирается, а я у нее интересуюсь, что она подумала, услышав мою неправильную речь!

– Короче, лирику в сторону! Четко и конкретно: зачем здесь оборудовали этот положай?

Вновь раздался хруст гравия под ботинками Радомира. Он принес автоматы. Опустил их рядом со мной и присел рядом. Его появление напугало девушку и она заговорила торопливо, глотая слова и забывая произносить и без того нечастные гласные. Я понимал далеко не все в ее торопливой речи, однако Станич молчал, слушал внимательно, из чего я мог сделать вывод, что он понимает все.

– Добро, – наконец сказал он. Потом повернулся ко мне: – Ты все понял?

Я сначала виновато улыбнулся и развел руками. Потом, поняв, что он меня не видит, ответил:

– Нет, не все. Повтори еще раз.

Суть рассказа Мириам состояла в следующем. Командование мусульман узнало, что где-то на нашем участке готовится наступление сербов. Одним из основополагающих требований подготовки наступления является активизация разведки и, нередко связанные с нею диверсионные действия. Занимаются этим чаще всего наиболее подготовленные подразделения. Исходя из этих посылок, был разработан следующий план. На наиболее вероятных направлениях, где могли появиться сербские разведывательно-диверсионные группы, было подготовлено то, что на военном языке именуется огневыми засадами.

Та тень, перечеркнувшая тропу по дну лощины и заставившая нас сменить направление движения, было, по словам Мириам, самым обыкновенным бревном. Его повалили таким образом, чтобы под ним оставалось достаточно места, чтобы без особых проблем пролез зверек средних размеров, которых тут вполне хватает, в то время как человеку было бы удобнее либо перелезть через него, либо обойти по зарослям. Таким образом достигалась гарантированная внезапность. Животное не могло потревожить тонкую металлическую жилочку растяжки, протянутой поверху ствола. Вела же эта тонюсенькая проволочка к могучей МОН-200, нацеленной вдоль ложбинки. МОН – значит «мина осколочная направленного действия»; 200 – значит ее «поражающий элемент», сотни крохотных шариков, будут выбиты тротиловым зарядом и не оставят ничего живого в секторе пятьдесят градусов на протяжении двухсот метров.

Если бы Радомир попытался, как он хотел сделать, обследовать бревно, нас бы тут уже не было. Потому что срабатывает взрыватель при нагрузке всего-то пять килограммов. Как говорится, на блошинный чих.

Но в жизни всякое может случиться, проволочку могла потревожить, скажем, птичка или неутомимый охотник горностаи. На этот-то случай и организовали тут положай, своеобразный форт с небольшим гарнизоном. Случись внизу, в ложбинке, взрыв, они должны были бы определить, в какой мере он случаен и, в соответствии с ситуацией, либо принять бой и вызвать подкрепление, либо установить новую «монку», либо отходить.

Такая диспозиция и в самом деле все объясняла: и то, что положай находится в отрыве от основных сил, и малочисленность его «гарнизона», и то, что он несколько отстранен от самого оврага – вдруг подвергшийся неожиданному нападению (нападу, по-сербски) диверсионный отряд начнет стрелять во все стороны без разбору...

– А как они должны были связываться со своими? – быстро спросил я.

– У них есть радиостанция.

Радиостанция... Что мы с этого можем иметь?

– Как у них поддерживается связь? В смысле, с какой периодичностью?

Радомир опять заговорил с девушкой. А я продолжал лихорадочно соображать.

Радиостанция... Мины... Боеприпасы... Любопытный наклевывается карамболь.

Право же, было бы жаль просто так взорвать этот положай, не придумав и не совершив какую-нибудь каверзу.

– Сеансы связи каждый час или по мере необходимости, – сообщил Станич.
Ну что ж... Нас это устраивает. Начнем строить каверзу.

5

Мы уходили с захваченного мусульманского положения уже под самое утро. Вообще-то изначально планировалось, что углубимся в тыл противнику куда глубже и возвращаться должны были только на следующую ночь, проведя день где-нибудь в укромном уголке. Однако из-за происшедших событий первоначальный замысел пришлось менять. Тем более, что мы заполучили столь любопытную информацию о планах мусульман. А значит теперь до своих позиций придется добираться уже засветло. Правда, утешало то, что в подобном изменении разведки имелся и утешающий фактор: если получится все, как мы задумали, эффект от вылазки получится классный.

...Мириам пришлось вести с собой. Радомир, правда, по этому поводу поворчал, хотя и не слишком напористо. Я его успел неплохо узнать и льстил себя уверенностью, что понимал его ворчание правильно: серб только изображал, правда, довольно успешно и правдоподобно, безжалостного головореза, в то время как на самом деле и он тоже не смог бы теперь прирезать этого полурбенка вот так просто. Но вместе с тем и отпускать ее было нельзя.

Так мы и шли по белеющему дну ложбинки, по которому несколько часов назад шагали в противоположном направлении. Я бодро шел впереди, за мной брела Мириам, которую я привязал к себе длинным прочным плетеным пластиковым шнуром, замыкал шествие понурый Радомир.

Еще на положе, перед тем, как развязать руки девушке, я ее поднял, поставил на ноги и тщательно обыскал. Надо признаться, чувствовал себя в эти мгновения весьма скверно. Прекрасно понимал, как нелепо и неблагоприятно выгляжу со стороны, представлял, насколько противно ей ощущать на себе мои ощупывающие ее тело руки. Тем более, что и самому не так уж давно приходилось испытывать подобную процедуру неоднократно. Но меня хоть обыскивали мужчины. Что испытывает женщина в подобные мгновения, даже представить себе трудно.

Однако никуда не денешься, обыск необходим. Слишком часты случаи, когда женщины-мусульманки, как древние старухи, так и девочки-подростки, подрывая себя и православно-го солдата заранее припасенной гранатой, рассчитывая за это попасть в рай, принесли с собой на тот свет свеженькую душу неверного серба-гяура. Так же шли крестоносцы в свои безнадежные походы «за гроб Господень», понять которых нам, хилым потомкам, попросту не дано. Да, у нас, европейцев, это происходило в раннее Средневековье. У них, у мусликов, наше христианское средневековье в самом разгаре – по мусульманскому календарю сейчас только четырнадцатый век хиджры.

«Хиджра» – значит «исход». Слово нейтральное и даже как будто возвышенное. На самом же деле исламское летоисчисление ведет свой отсчет от бегства. Когда Магомет начал проповедовать свой вариант религии, местные священники его, мягко говоря, не поняли. Встречаться с новым Каифой, слышать и в свой адрес улюлюканье толпы «Распни его!» посланцу Аллаха не хотелось. И ему пришлось бежать. Это-то бегство из Медины и является отправной точкой, с которой ведет свой отсчет ислам.

...Короче говоря, я ее обыскал, причем, довольно тщательно. Пытался внушить себе, что передо мной, откинув голову назад и закрыв глаза, покорно стоит просто бесполой человек. Вернее, чуть не так, попытался считать, что это абстрактный человек вражеского пола, и что я ничего такого уж безнравственного не совершаю. Убеждал. Но получалось это с трудом. Под темным комбинезоном явственно прощупывалось ладное по-девичьи крепкое, юное девичье тело, и убедить себя в его бесполости было просто невозможно. И руки сами собой, невольно задерживались не там где надо... Или все-таки именно там?

– Извини, – я чувствовал, что даже покраснел до пота. – Но я должен был убедиться, что ты не обмотала себя детонирующим шнуром или «поясом смертника»...

Она ничего не ответила. Да и что она могла ответить? Да и что я сам бы ответил в подобном случае, если бы меня самого тщательно и бесцеремонно ощупывали женщины?

– Повернись!

Мириам поняла о чем речь, с готовностью подставила спутанные за спиной кисти рук. Возиться с распутыванием узлов не стал, просто резанул веревку ножом. Девушка даже застонала от боли, когда к ее ладонкам по освобожденным от пут жилочкам хлынули потоки свежей, богатой кислородом крови.

Пока она не опомнилась, я продолжил принимать меры, чтобы она не смогла сбежать. Которые, к слову, я должен был предпринять чуть раньше, когда она еще не имела возможности даже пикнуть.

В каком-то фильме был эпизод, когда солдата, который должен был отконвоировать пленного гитлеровца в штаб, предупреждают:

– Гляди: это СС!

На что тот хитро ответил:

– На их СС у нас есть свой СССР.

– Что за СССР? – удивился командир.

– Это значит «старый солдатский способ».

Старый солдатский способ состоял в том, что конвоирующий у конвоированного обрезап пуговицы на брюках и тот вынужден был всю дорогу идти и поддерживать руками штаны. Действительно, просто и надежно.

Я использовал этот способ уже не раз. Правда, только в отношении мужчин. Но теперь, рассудил, это тоже будет нелишне. Во всяком случае, идти она будет теперь с нами, как привязанная... Скаламбурил, называется!.. Она же и будет привязанная!

В общем, пока Мириам растирала руками запястья и тихо постанывала, едва ли не плакала от покалывания в отходящих от пут затекших руках, я ухватился за пряжку ее мягкого матерчатого пояса и быстро расстегнул его.

– Шта си?.. – попыталась было она отпрянуть. – Что ты?

– Ништа, – как сумел ответил я. – Ничего.

Однако пояс уже расстегнул и рывком выдернул его из петель комбинезонных брюк. Начал сворачивать его в аккуратный рулончик.

– Шта?..

Похоже, теперь она уже ждала от нас самого для нее, мусульманки, страшного – что ей придется отдаться необрезанному! И что она, если, конечно, останется в живых, будет вынуждена своему будущему мужу (естественно, правоверному мусульманину) объяснять, почему она в его дом вошла «не девочкой».

– Сказал же тебе: не переживай! – поняв все это, попытался я ее успокоить.

Девушка пятилась.

– Ты же обещал, русо! – прошептала она.

Наверное, таким же тоном, не возмущенным, не оскорбленным в лучших чувствах, не молящим – искренне изумленным, обращался к своему убийце Бруту Юлий Цезарь.

– Да не собираюсь я с тобой ничего делать! – с досадой сказал я.

Должен признаться, сказал другие слова – более точные, но и не столь корректные.

Послышался голос Радомира, который возился в дальнем углу положая, воплощая мою задумку в жизнь.

– Что там у вас? – спросил он с явным недовольством в голосе.

– Ништа, – и ему ответил я дежурно. – Ничего.

Легко перехватил руку Мириам, продел в петлю брюк прочный шнур, входящий в мой личный комплект разведчика, обхватил ее за талию и затянул узел. Девушка не сопротивлялась. Теперь она, сделал я самонадеянный вывод, побредет за мной куда угодно. Но дополнительная страховочка все-таки не помешает. А потому я ухватился-таки за верхнюю пуговицу на ее поясе и взмахнул своим отполированным клинком. Мириам даже пикнуть не успела, только сразу схватилась за одежду.

– Теперь-то ты никогда от меня не убежишь, – самодовольно усмехнулся я.

Только потом сообразил, что мои слова сквозили ненужной в данной ситуации двусмысленности...

И вот теперь мы быстро шагали по дну хорошо знакомой ложбинки и думали каждый о своем.

Итак, мы, два разведчика армии Республики Сербской, возвращаемся с «языком» после выполнения ответственной задачи. Звучит красиво. Однако можно ли считать, что мы и в самом деле выполнили задачу разведки? Однозначного ответа, честно сказал я сам себе, нет. Потому постараемся суммировать плюсы и минусы.

Итак, плюсы. Благодаря нашей вылазе, теперь доподлинно известно, что муслики знают о нашем готовящемся наступлении, причем, ожидают его именно на нашем участке фронта. Вывод о том, что в сербском штабе действует агент мусульман, вполне логичен. Однако это пусть они сами между собой разбираются. Куда актуальнее для нас сведения о том, что на нашем участке усилены меры против разведывательной и диверсионной деятельности. Что еще? Установлено место засады. Убито трое противников. Если сработает наша задумка, по меньшей мере еще один обрезают, а в идеальном случае и не один, сегодня утром отправится подыскивать себе местечко в раю... Захвачен «язык»... Все? Кажется, все.

Теперь минусы. Достаточно глубоко в тыл мы проникнуть не смогли. Кардинально новых сведений о дислокации и передислокации мусульманских войск не добыли. «Язык» захвачен, если честно говорить, довольно хиленький... Надо признать, негусто.

«Язык», невольно перекинулась нить моих мыслей. Солдат армии противника. Это официально. А на деле всего лишь девушка-мусульманка по имени Мириам. Совсем еще юное наивное создание.

Что с ней теперь будет? Что ее ждет впереди? Вон она бредет сзади меня, дергая веревку, поддерживая непрочно сидящие на бедрах штаны... На бедрах... На аппетитных женских бедрах...

Стоп! Об этом не думать!

Дальнейшую перспективу ее ближайшей жизни просчитать было не так уж сложно. Сейчас я приведу ее в расположение своего подразделения, которое именуется тут Русским добровольческим отрядом. Сдам, как то и положено, пленницу командиру. Ее начнут допрашивать. А я со спокойной совестью отправлюсь отсыпаться от ночных трудов.

Со спокойной ли?.. С моей подачи Мириам поведут в штаб сербов. Там ее будут допрашивать, уже строже, может быть даже, что называется, «с пристрастием». И это, по большому счету, правильно, потому что она, Мириам, в данном случае не красивая девушка, а солдат армии противника, потому что она, говоря без экивоков, враг. И тут не до сантиментов, тут не «зарница», тут настоящая этнически-религиозная война... А потом ее, по всей видимости, расстреляют. И будет это вот юное прелестное тело валяться где-нибудь в пропасти, на краю которой в него всадят десяток пуль, и будут на нем сидеть вороны и другие стервятники, глотать, обламывая зубы на попадающихся пулях, собаки и лисицы, потому что убивать ее будут на краю обрыва, чтобы не возиться с похоронами.

...Ну а до этого ее, не исключено, изнасилуют. Даже не изнасилуют, потому что само слово «насилие» может относиться только к свободному человеку. Ее, Мириам, просто используют как самку или приспособление для удовлетворения мужской похоти, как какую-нибудь

резиновую куклу. И, вполне возможно, не один раз. И, не исключено, даже пустят по кругу. Быть может, начнут это делать еще наши. Изголодавшиеся по женскому телу русские парни – неважно кто именно, казаки или мужики. Оправдать это нельзя – понять же вполне возможно. Потому что в данном случае и в самом деле неважно, откуда у них растут исторические корни, важно, что они истосковались по живой девичьей плоти. Причем, это не сербская девушка, которая может безбоязненно ходить среди нас в любое время суток совершенно одна, только потому что она православная сербка, потому что мы приехали помогать ее отцам и братьям. А Мириам – это солдат чужой армии, хотя и женского пола, а потому на нее не распространяются законы морали. Тем более, что ее, скорее всего, уже завтра расстреляют. Так чего же с ней церемониться, раз уж она уже, фактически, не значится в списках живущих на земле?

Так что ее, вполне возможно, насиловать (или точнее сказать «иметь») начнут еще наши. Само по себе это противно. Осознавать неотвратимость этого еще противнее. Будто сам участвуешь в изнасиловании... Мерзко.

Но ведь и этих людей, по большому счету, понять можно. Каждый из них рискует жизнью, понимает, что в любую минуту может прилететь невесть откуда дурная пуля и оборвать ту незримую пуповину, которая связывает бrenную плоть с эфемерной душой, постичь которую никому еще не удавалось. А тут – женщина, ЗА КОТОРУЮ НИЧЕГО НЕ БУДЕТ! Причем, выпустят в тебя эту пулю ее братья, ее единовверцы, ее соратники. И, попадись каждый из нас к ним в руки, они бы с нами тоже не церемонились. Пытать или издеваться над пленным среди наших ребят стали бы немногие – удовлетворить свою похоть хотят ВСЕ.

Любая война предполагает, а в данном случае главное – оправдывает, многочисленные факты изнасилования. Бороться с этим необходимо, изначально признавая при этом, что это бесперспективно.

...Впрочем, может быть, Мириам и не расстреляют. Маловероятно, но допустим, что ее даже не изнасилуют. В конце концов, среди сербов, в том числе и среди командования, немало порядочных людей, которые не позволят «пустить ее по кругу». Допустим самый благоприятный для нее вариант.

И тем не менее, будущее ее вряд ли может стать лучезарным. Ибо она является военнопленной, захваченной на боевой позиции. Я не встречал тут концлагерей, где содержатся пленные мусульмане, хотя о существовании таких лагерей немало кричит антисербская пресса. Хорошо это или плохо, что таких лагерей нет? Многие наши считают, что это хорошо, свидетельствует о гуманизме руководства сербов. Само по себе это и впрямь прекрасно. Вернее, выглядит так. Потому что я иной раз думаю: если нет лагерей, куда же сербы девают пленных? Где-то же их нужно содержать...

Ладно, хрен с ними, с глобальными проблемами, они меня не особенно касаются.

Если бы мы захватили и сейчас вели с собой мужчину любого возраста, меня сомнения не терзали бы. Война всегда, испокон веков, была мужским занятием. В ней всегда одни побеждали, другие проигрывали, одни погибали, другие попадали в плен... Это противостоит природе, с точки зрения морали. Но, к сожалению, естественно с точки зрения человеческого существа.

Ну а чем передо мной лично виновата Мириам, за что конкретно я ее сейчас отдам на поругание и растерзание? Только за то, что она родилась в мусульманской семье? Значит, в ее глазах я враг только потому, что родился в России? Глупо, нелогично, непонятно. Ведь житель острова Фату-хива для нее лично, для Мириам, не является врагом всего лишь потому, что он поклоняется какому-то своему богу, к слову, кровожадному богу, требующему человеческих жертвоприношений, а не суровому, но в принципе покладистому, Аллаху, его пророку Магомету и двоюродному брату Магомета хезрету Али.

Наверное, это извечные вопросы, на которые ответить еще не удавалось никому за всю историю человечества. Они подтверждают только одно: так называемые «религиозные» войны

ничем не отличаются от войн обыкновенно-человекоубийственных, только под них подводится иное идеологическое обоснование. Дают же подобные обоснования сволочи от политики, которые отсиживаются в своих рейхстагах, кремлях, белых домах, версаях и других неплохо приспособленных для проживания апартаментах, предоставляя высокое право убивать и умирать своим подданным.

Та же Мириам могла бы убить тебя, – слабо попытался вмешаться в мой самомонолог внутренний голос. Сложись все иначе, попался бы ты ей на мушку – и был бы уже в аду, потому как нехристям в раю делать нечего. А если бы ты попал в руки ее братьям-обрезантам, они бы тебе тоже сделали обрезание, только отнюдь не такое щадящее, как себе, а, как говорится в известном анекдоте, по самую шею.

Он был прав, мой нежно лелеемый внутренний голос. А потому я резко остановился.

Мириам среагировать не успела, едва не налетела на меня, остановилась буквально за моей спиной. Я даже почувствовал на затылке ее неровное от быстрой ходьбы дыхание. Радомир, я не сомневался, уловил мой порыв остановиться едва ли не на рефлекторном уровне. Скорее всего, он уже сидит на корточках, настороженно поводя стволом автомата из стороны в сторону.

Однако я присаживаться не стал, хотя и подгибала колени стародавняя привычка.

Я только повернулся и посмотрел на испуганно расширившиеся зрачки черных глаз своей пленницы.

– Мириам, русы с женщинами не воюют.

За ее спиной и в самом деле сидел на корточках Радомир. Он делал вид, что главная его задача – это следить за округой. Хотя, понимал я, он внимательно следит за нашим разговором. Скажу честно: если бы не было тут его, я бы чувствовал себя куда увереннее. Ну а так... Приходилось принимать во внимание, что тут представитель главной воюющей нации.

Как бы то ни было, я не стал любоваться открывающейся картиной. Ни разливающимся горным рассветом. Ни деланно-безразлично и отвлеченно отвернувшегося Радомира. Ни испуганноизумленными глазами Мириам. Я просто косо, чтобы было удобнее, с оттяжкой, резанул по шнуру. Потом достал из кармана и бросил в руки Мириам свернутый пояс от брюк. И только тогда не удержался от робингудовской фразы.

– Меня зовут Просвет. Я советский капитан. И я не хочу, чтобы тебя убили...

Девушка глядела на меня со смешанным чувством надежды и страха. А я нес свою патетику:

– Когда ты вернешься к своим, наша минная засада на твоём положе уже или сработает, или же будет раскрыта. Так что ты со спокойной совестью сможешь рассказать все, что там произошло.

Только ты подумай вот о чем. Ты женщина, твоя задача рожать и воспитывать детей. Так почему же ты собираешься лежать на положе и убивать других детей, которых родила другая женщина? Подумай об этом!

Сказав это, я повернулся и зашагал по направлению к нашим позициям, до которых было уже совсем недалеко. Сзади чуть слышно похрустывал гравий. Это шел Радомир, который за все это время так и не сказал ни слова.

...Мы были уже у самого нашего положая, когда он негромко, но так, чтобы я это услышал, пробурчал:

– Лучше бы он ее зарезал сразу.

Наверное, в этом был прав, отметил про себя я. Меня бы тогда мучила совесть, но вместе с тем я отдавал бы себе отчет, что убил врага в бою. Теперь никакого морального оправдания себе я отыскать не мог.

Часть вторая

Прошное. Возвращение в никуда

1

Идти мне было попросту некуда. Вообще. На всем огромном белом свете, на котором Господь Бог выделил каждой твари хоть какой-нибудь уголок обитания, только для меня одного не имелось закуточка, где меня бы ждали, где меня бы приютили, где я был бы хоть кому-нибудь нужен.

Не знаю, может быть, допускаю, для кого-то такое положение – привычное состояние. Для меня же... Как и объяснить-то не знаю... Просто еще никогда в моей жизни так не бывало, чтобы я не знал, куда направить свои стопы. Разве что в далеком детстве, которое по старой привычке именуется босоногим. Впрочем, даже не так, я и тогда тоже куда-то шел, к чему-то стремился, хотя бы велениям отца-матери подчинялся... А теперь...

Я бездумно стоял в бестолковой привокальной толчее и глядел на бурлящую передо мной жизнь. Непривычную, незнакомую, чужую и чуждую, неприветливую. Жизнь, которая, в свое время отторгнув меня, по большому счету, сейчас мне была безразлична. И которой на меня, отдавал полный отчет, тоже было попросту наплевать.

Я словно бы сидел в темном зале кинотеатра и со стороны наблюдал на текущую мимо чужую жизнь.

Жизнь... Чья-то жизнь. Хорошо сказал Остап Бендер, сын турецко-подданного: «Мы чужие на этом празднике жизни». И я такой же чужой. Правда, это единственное, что роднит меня с великим аферистом.

...– Сынок, ради Господа Бога нашего Христа, подай сколько можешь!

Я медленно поворачиваю голову на голос. Рядом стоит и искусно трясется сгорбленная женщина, тщательно пряча лицо под платок.

– Нету у меня денег, – цежу сквозь зубы.

Интересно, она и в самом деле столь древняя старушенция, что готовится развалиться прямо у меня на глазах, или только притворяется? Почему-то я убежден, что только притворяется. Было в ее поведении, одежде, в самом облике что-то ненатуральное, искусственное, показушное, как будто в плохом самодеятельном спектакле.

– Креста на тебе нету, – скулит она. – Мне много не надо, только на хлебушек... Во имя Спасителя...

Если притворяется, то тяжеленько приходится нашему родному отечеству, коли именем Бога и креста обманывают. А может и в самом деле не притворяется?

– Я же сказал, что нет у меня денег, – опять роняю ей. – Вообще нету. Ни копейки.

Ну теперь-то уж точно отстанет! – убежден я.

Ан не тут-то было.

– Такой молодой, здоровый, – нудит она. – Ну хоть сколько можешь...

Ну что ж, бабка, ты сама на это напросилась! Я неторопливо лезу в карман. Она вожде-ленно следит за движением руки. Даже трястись перестала. Однако извлекает она, моя рука, из кармана совсем не то, чего от меня ждет попрошайка. И когда я тычу ей в глаза неровно отпечатанный и небрежно заполненный бланк справки с круглой печатью, испуганно ойкает, шарахается в сторону и мгновенно растворяется в толпе.

Аккуратно свернув и спрятав бумажку, опять замираю, прислонившись к квадратной серой колонне. Гляжу на шпиль со звездой, который впился в небо напротив, через гудящую бесконечным потоком машин площадь. Почему-то встреча с бабкой меня расстроила.

– Креста нету... – говорю сам себе. – Что верно, бабка, то верно. Нету на мне креста...

Однако стоять вот так до бесконечности, тупо глядя на бурлящую мимо чужую жизнь, тоже не дело. Вон уже без того сержант-милиционер с «демократизатором» на поясе настороженно поглядывает в мою сторону. Ну его, право, к лешему, нарвешься еще!..

Делаю вид, что смотрю на часы, которых на запястье нет, и неторопливо направляюсь в сторону метро.

Первый день, когда мне абсолютно нечего делать. И куда его убить, этот день?

И куда убить еще множество таких же дней, которые серой бесконечной чередой теряются в необозримом, в непонятном будущем?

Впрочем, когда-нибудь потом, скорее всего, что-то на горизонте прорежется. А пока... Пока нужно куда-то идти, что-то есть, где-то устроиться... Нужно жить! Только кто бы объяснил ЗАЧЕМ...

2

Лишь войдя в вестибюль станции метро, понимаю, что как раз сюда-то мне и не следовало входить. Лучше бы прошелся до Садового кольца, сел на троллейбус-«бэшку», и потихоньку допилит бы до нужной станции. Там, может, на контроль и не нарвался бы. А здесь частокол турникетов никак миновать невозможно.

Однако делать нечего, не возвращаться же!..

Не привык я возвращаться.

Неторопливо, вразвалку направляюсь к контролирующей проход бабушке. Мимо нее нескончаемым потоком льется народ, показывая на ходу что попало: проездные, какие-то удостоверения, еще что-то... Что она тут разглядит, в этом мельтешении?.. А тут еще все тащатся с сумками, тележками, коробками... Адова работа, если разобраться, вот так на контроле в метро у вокзала весь день сидеть, не позавидуешь...

Ты лучше себе посочувствуй, – оборвал я сам себя. Альтруист хренов! Она тут посидит-посидит, да и домой двинет. К себе домой! Где ее ждет семья и вкусный ужин. А ты куда направишься? По тому адресу, что дал тебе Корифей?

Нет-нет-нет, стоп, туда ни в коем случае, об этом даже думать нельзя!

...Между тем я уже оказываюсь перед бабушкой. Она глядит на меня настороженно, уже выхватив, опытно выделив глазами из толпы человека, который приближается к ней не слишком уверенно. Видит, что ничего из кармана не достаю, никаких «корочек» ей под нос не тычу. И уже видно, что она заранее готова сорваться на крик во имя восстановления социальной справедливости.

– Здравствуй, мамаша!

Она молчит, пялится из-под потертой красной шапочки снизу вверх. Сейчас мимо нее хоть по «ксиве» «Ударника коммунистического труда» проходи, хоть танк на веревочке провози – не заметит.

– Пропусти в метро, у меня денег нет, – в лоб прошу ее.

Дежурная тут же обретает дар речи.

– Без денег нельзя, – решительно информирует она. – А денег нет – это твои проблемы.

– Грубая ты, мамаша, невоспитанная, – цежу я, сдерживаясь. – И сердца у тебя нету.

Последняя реплика ей не нравится.

– На всех вас сердца не напасешься, – обрывает она и ловко перехватывает какого-то мальчишку, попытавшегося проскользнуть мимо нее. Паренек послушно ретируется, а бабулька продолжает – А деньги зарабатывать нужно, а не «зайцем» ездить.

Делать нечего.

– А я уже заработал...

Опять лезу в карман за бумажкой. Достаяю, разворачиваю ее, показываю дежурной.

– Видишь, как много заработал?

Тут она теряется, испуганно оборачивается за спину.

Оттуда тотчас появляется еще одна серая личность с палкой о трех концах.

– В чем тут дело? – спрашивает он у дежурной, глядя на меня усталыми глазами.

Дежурная, видимо, посчитав, что, подобно шекспировскому мавру, дело сделала, отодвинулась от меня в сторонку. Делать нечего, подаю справку сержанту. Тот ее бегло просматривает, сам аккуратно сворачивает, возвращает мне.

– Проходи, – кивает мне в сторону эскалатора.

Бабулька-дежурная косится в его сторону настороженным взглядом, однако возражать не решается.

– Тебе куда ехать-то надо? – интересуется милиционер. – Далеко?

Что ему ответишь? Не изливать же душу здесь, в этой толчее...

– До Белорусского вокзала.

– Знаешь, как проехать?

Усмехаюсь. Хотя усмешка вряд ли получается по-настоящему веселой.

– Знаю, – киваю в ответ. – Все знаю...

Сержант опять глядит на меня выжидательно, очевидно, уловив двусмысленность моих слов. Но ничего не говорит, только козыряет небрежно и возвращается на свое место у турникета.

...Как же я отвык от этого великолепия московского метро! Стою на бесконечной ленте эскалатора, мимо проплывают столбики светильников, по телу струится приятное тепло, ноздри щекочет специфический запах «подземки»... Как давно я здесь не был!

Правда, с тех пор, как я тут был в последний раз, метро, вижу, здорово изменилось. В вестибюле справа мелькнула закусочная, мусора добавилась, в смысле не «мусоров», а именно мусора – всюду банки пустые валяются, какие-то пакеты... Впрочем, и «мусоров» тоже стало больше, причем все в бронежилетах, часто с автоматами... (Не дай, как говорится, Бог, в такой толпе – да из этого укороченного «Калашникова» полоснуть! Его остренькие пульки такого натворят!). На стендах вдоль эскалаторов рекламные щиты уговаривают покупать колготки, слушать какое-то радио, есть бутерброды... Вокруг все едут с исполинскими полосатыми неподъемными сумками, с рюкзаками или тележками...

А главное, на что обращаю внимание, это то, что вокруг очень мало улыбающихся лиц. Все хмурые, озабоченные, смурные... Сначала было я подумал, что это мне так кажется под настроение. Однако потом убедился: а ведь и в самом деле не улыбается народ. Как будто тут собрались только придавленные заботами и проблемами попутчики. Может, это от того, что возле вокзала нахожусь?

Ох, изменилась Москва, изменилась. Что, наверное, не так и удивительно за столько лет, что меня здесь не было. И вживаться в эту новую жизнь, по всей вероятности, будет очень трудно.

В одном только бы устоять: не ехать по адресу, который дал Корифей. Только бы не соблазниться!

3

Электричка тащи́лась как и встарь, долго и нудно. Попасть на поезд, что «сквозняком» идет до Гжатска, переименованного в Гагарин, не удалось, их всего идет только два или три в сутки, а Можайский привычно останавливался едва ли не у каждой платформы. Так что до Тучково пришлось телепаться больше полутора часов. Потом еще сорок минут в битком набитом людьми автобусе мимо многочисленных санаториев и домов отдыха, построенных тут еще при социализме, и еще более многочисленных особняков «новых русских», выросших тут в последнее время...

И вот наконец, набрав скорость на спуске, мы бодро вкатили в Рузу, в небольшой городок, где каждый дом, каждый переулочек до боли знаком.

Странно, но факт: о существовании на западе области такого райцентра знают даже не все москвичи. А между тем история у этого городка долгая, со своими вывертами и подвигами.

Некогда Руза была небольшой крепостцей, стоявшей на Горке – вздыбившемся на берегу речушки холме. Та историческая Горка и нынче имеется, только подосела за века – там сейчас что-то вроде парка со скамейками и деревянными столбами-скульптурами, изображающими древних богатырей, да крохотное озерцо, известное тем, что уровень воды в нем никогда не меняется, ни в жару, и в слякоть... Во время нашествия монголо-татар одна из очень немногих на всей Руси крепостца Руза сумела отбиться от нападения, хотя, чтобы быть объективным, надо отметить, что здесь побывала не основная орда Батыя, а только один из небольших фланговых отрядов, рыскавших по округе в поисках легкой поживы. Впоследствии Руза на правах удельно-княжеского городка несколько раз переходила от одного великого княжества к другому, пока окончательно не закрепилась за Москвой. В годы Великой Отечественной в окрестностях города действовал партизанский отряд, которым командовал местный активист по фамилии Солнцев, да только очень недолго ему пришлось повоевать – немцы быстро выследили и разбили его, а самого командира захватили и казнили. Именем Солнцева названа центральная улица города. А неподалеку, в районе деревеньки Дьяково, которой уже нет в природе, на берегу речки Рузы, погиб знаменитый Лев Доватор. Вскоре после этого, претворяя в жизнь план Жукова, когда в конце 41-го погнали немцев от Москвы, здесь же, у Дьяково и Палашкино, на хорошо подготовленную оборону гитлеровцев, по глубокому, по пояс, снегу, без поддержки танков и артиллерии, пошла в атаку курсантская 36-я ударная стрелковая бригада, наспех сколоченная в Средней Азии на базе Ташкентского пехотного училища; задачу они выполнили, хотя людей положили множество, в том числе погиб самый молодой в то время нарком (министр по нынешнему) в Советском Союзе – тридцатилетний туркмен Айткули Гельдыев...

Природа здесь у нас – прелесть. Леса, реки... Рыбалка, грибы, ягоды, экология, свежий воздух... Потому и наткано вокруг санаториев, курортов, домов отдыха и прочих аналогичных заведений, принадлежавших самым разным организациям и ведомствам – союзам писателей, театральных деятелей и т. д. Например, подмосковная база космонавтов, где они отдыхают перед и после полетов, построенная по рисунку и под патронажем Алексея Леонова, располагалась тоже тут, неподалеку от Озернянского водохранилища. Даже ЦК КПСС в свое время обратил на Рузу свой благосклонный взор и отгрохал руками военных строителей шикарнейший дом отдыха «Русь» – тот самый, который впоследствии передали «афганцам».

О Рузе я могу рассказывать много. Как, наверное, и любой человек о своем родном городе.

Старенький скрипучий «ЛиАЗик» лихо скатился по склону, миновал поворот на Можайск и, поскрежедав разболтанной коробкой передач, натужно потянулся вверх.

Я с любопытством глядел сквозь пыльное стекло на город. Да, хоть и не так уж сильно, а и здесь многое изменилось. Когда я был тут в последний раз, коммерческих ларьков не было и в помине. А теперь вон их сколько, на фоне облупившихся зданий. Зато площадь с трибуной заметно обветшали. Впереди показался куб универмага с надписью «Рузе – 650», построенный в бесконечно далеких уже 70-х...

Я решил не ехать до конечной остановки, вышел возле милиции и неторопливо направился вглубь улочек. Как все знакомо. И насколько теперь все чужое!..

Внутри у меня боролись два противоположных чувства. Очень хотелось встретить кого-нибудь из знакомых – и в то же время боялся, что тот, кто меня встретит, непременно начнет выпытывать, где и как я жил все эти долгие годы. Врать не хотелось, но и правду говорить – тем более... Повезло или нет, не берусь судить, но только никого не встретил. А ведь когда-то тут меня любая собака знала. Теперь же если и встречался кто-то, его лицо мне ни о чем не говорило. Неужто так много людей сюда понаехало? Или просто не узнаю никого, как и они меня?

Годы, годы... Мой дом. Мой подъезд. Мой этаж. Моя квартира... Впрочем, не так, уже не моя. И никогда больше не будет моей. Звонок за дверью был все тот же – резкий и неприятный, зато не услышать его невозможно. В свое время не поменял я его, так он и остался.

– Кто там? – отреагировал за дверью на звонок детский голос.

И тут же, не дожидаясь ответа, дверь распахнулась. Открыл ее мальчуган. Стоял и открыто и доверчиво глядел на меня снизу вверх.

– Здравствуйте, – приветливо сказал он. – А вам кого надо?

– Здравствуйте, молодой человек, – ответил я. – А мама или брат дома?

Он мне понравился, этот малыш. Хотя, по логике, я должен был бы испытывать к нему чувства со знаком «минус». Впрочем, дети-то тут причем, если мы, взрослые, разобраться между собой не можем?

– Мама на работе, – бодро отчеканил маленький хозяин. – А брат в школе. – Потом он подумал и добавил на всякий случай: – А папа только вечером будет.

– Рапорт принял, – усмехнулся я. – Тогда я попозже зайду. Не возражаете?

Мальчишка озадаченно шмыгнул носом, после чего солидно кивнул:

– Не возражаю. А вы кто?

Кто-кто – конь в пальто. Не твое это дело, мальчуган, не твое.

– Да так, знакомый, – уклонился от ответа. – До свиданья, молодой человек.

– До свиданья.

Я сбегал по ступенькам. Значит, сейчас первым делом в школу. Благо, тут недалеко. В небольших городках все недалеко друг от друга.

Массивная бетонно-стеклянная коробка учебного заведения встретила меня полной тишиной. Все понятно, идет урок. Ну что ж, подождем, нам нынче спешить некуда. Даже не только нынче – нам просто спешить некуда.

Но и не стоять же тут просто так, без дела. Решил войти в школу, побродить по ее коридорам, рассматривая стенды и фотографии тех, кем тут гордятся. Вообще-то у меня лично с данным учебным заведением ничего не связано, я учился в другой, в старой школе. Однако решил-таки войти – есть что-то привлекательное в учебных заведениях. Как будто витает здесь дух чего-то эфемерного, что высокопарно именуется «гранитом науки».

Однако просто так побродить не удалось. Едва я переступил порог школы, постаравшись по возможности тише прикрыть за собой ужасно проскрипевшую пружиной дверь, и оказался в просторном вестибюле, услышал откуда-то женский голос.

– Гражданин, а вы к кому?

Вопрос адресовался явно мне, так что пришлось обернуться. По коридору в мою сторону направлялась худенькая стройная, какая-то воздушная, миловидная женщина. Уже издали,

заранее глядела строго – так что сразу было понятно: она здесь не случайный человек, а тот, кто именуется «представитель администрации» школы.

– Здравствуйте, – ответил я.

Каждому мужчине, наверное, знаком такой порыв, когда вдруг хочется произвести хорошее впечатление на случайно встреченную женщину.

– Здравствуйте, – умерила напор «администрация». – Так вы к кому?

– У вас тут учится Ярослав Коломнин, – ответил я. – Мне нужно бы с ним поговорить.

Мне показалось или же и в самом деле у «администрации» глаза изменили свое выражение, стали внимательнее, строже, настороженнее?

– А вы ему кто?

Ничего более оригинального, чем опять упомянуть глупую шутку про пальто, я не нашелся.

Но и теперь воздержался от того, чтобы озвучить реплику.

– Родственник, – усмехнулся я.

«Администрация» на усмешку не отреагировала, смотрела теперь уже с недоумением.

– Я просто «Афю» вспомнил, – пришлось пояснить —.Помните Леонова? «Родственник, Афю мне рупь должен... Два».

Женщина отмякла, тоже слегка обозначила улыбку. Сразу же возле глаз обозначились морщинки. Значит, не такая уж она молодая, как мне поначалу показалось.

– А что ж вы сюда-то, в школу, пришли? – уже без первоначальной суровости спросила она. – Еще два урока – и он сам домой придет.

Ну как постороннему человеку объяснить то, что и самому непонятно? Зачем я сюда пришел? Сам не знаю. Пришел – да и все...

– Да вот пришел, да и пришел, – так и сказал я, пожав плечами. – А потом и домой пойду... Просто мне тут идти больше некуда.

Похоже, именно такой невразумительный ответ окончательно сломал лед. «Администрация» кивнула:

– Идемте со мной.

Она повернулась и застучала каблучками по широкому коридору. А я теперь мог беспрепятственно осматривать ее сзади. Худошавая, даже, я бы сказал, несмотря на возраст, по-девичьи угловатая... Однако есть в ней свой шарм, есть.

Как же давно не обнимал я женское тело, как же бесконечно давно... И стиснул бы ее сейчас, да так, чтобы косточки ее тоненькие хрустнули!

Тело мгновенно откликнулось на шальные мысли. Но-но, тут же остановил я сам себя, стоять, Зорька!

Между тем женщина остановилась у одной из дверей.

– Ярослав сейчас в этом классе. Перемена через десять минут, так что будет лучше, если вы подождете.

Ага, как же, здесь за дверью сидит и постигает науку мой сын, которого я не видел столько лет – а я буду ждать еще целых десять минут! Держи, как говорили в мое время, карман шире!

Теперь я уже был твердо убежден, что моя провожатая что-то знает про нашу семью. Потому что она четко поймала мое настроение, приняла его как должное. И, показав мне пальцем: мол, только тише, не шуметь, подошла к высокой двери класса. Слегка приоткрыла створку. Дождалась, когда с той стороны к ней кто-то подошел. Негромко переговорила. И опять повернулась ко мне.

– Сейчас Ярослав выйдет к вам. И вы можете с ним уйти... – женщина уставилась мне в глаза.

Взгляд у нее был добрый, чуткий, мудрый, понимающий, доверчивый и вместе с тем требовательный. Наверное, так и должен смотреть Педагог, Учитель, которому верят его подопечные. – Надеюсь... – проговорила она твердо. – Надеюсь... Простите, как вас?..

– Константин Васильевич.

«Администрация» кивнула – очевидно, сопоставив отчество Ярослава с моим именем, удостоверилась в своих предположениях.

– Надеюсь, Константин Васильевич, – она требовательно глядела мне в глаза, – все будет в порядке?

Да, что-то она про меня знала. Впрочем, в этом ничего удивительного нет – в маленьких городках семейные проблемы всегда широко обсуждаются.

– Не переживайте, все будет нормально, – твердо заверил я ее.

В самом деле, что я мог сотворить, со своей справкой в кармане и без гроша за душой?

– Тогда всего вам доброго!

– Спасибо.

«Администрация» повернулась и застучала каблучками по коридору. Эх, пойти бы за ней!..

Но тут раздался скрип отворяющейся двери, который разом отвлек меня от грешных мыслей. Из класса вышел сын. Мой сын. Сын, которого я не видел так давно.

4

Больше всего я боялся, что сын меня просто не узнает и мне придется ему объяснять, кто я такой и откуда взялся. Еще я очень боялся, что Ярослав узнает меня и тут же уйдет, вернется в класс или еще как-нибудь продемонстрирует свое нежелание общаться со мной. И того, чтобы он не расплакался и повис мне на шее, хлюпая и растирая сопли и слезы, я тоже боялся...

Я вообще боялся этой встречи. Потому что не знал, какотреагирует на мое появление в его жизни единственный на земле близкий мне человек. Близкий по крови – и совершенно неведомо, является ли, вернее, станет ли он мне близким по духу.

Однако все получилось совершенно не так, как рисовалось мне в воображении.

Ярослав вышел в коридор, забросив за спину сумку на длинных ручках. Удивленно посмотрел вслед удаляющейся по коридору «администрации». Только потом перевел взгляд на меня. В первое мгновение не узнал. Однако потом глаза парня удивленно округлились. Растерянно вильнули. Потом сын открыто уставился на меня. Сделал несколько шагов в мою сторону. Остановился. Неловко перекинул сумку из правой руки в левую. Протянул мне ладонь.

– Ну, здравствуй, батя.

«Здравствуй»... Ничего не говоря, сам шагнул к нему и обнял. Должен сказать, что человек я не слишком склонный к сантиментам. Да и последние годы не особенно располагали к развитию особой чувствительности. Однако тут ощутил, как на глаза наворачиваются слезы. Тут бы самому сейчас не разнюниться, размазывая сопли...

– Ну ладно, батя, хватит... – попытался вывернуться из объятий сын. – Еще увидит кто...

Да, ты прав, сынок. В конце коридора стояла и смотрела в нашу сторону «администрация».

Я разжал объятия. Постарался по возможности незаметнее провести ладонью по глазам. Но успел увидеть, как тревожно огляделся Ярослав. Я его не осуждал: в его возрасте проявления ласки кажутся недостойными мужчины. А если еще кто-то посторонний увидит... Подростки – народ жестокий, засмеют.

– Кто это?

Так вот и получилось, что первые слова, которые были адресованы сыну, касались постороннего человека. Ярослав сразу понял, кого я имею в виду – он тоже успел заметить «администрацию», поспешно скрывшуюся за углом.

– Лариска, – смущенно и с облегчением ответил сын. – Наша директриса.

Смущенно, как нетрудно было догадаться, потому что нашу встречу увидел-таки посторонний человек. С облегчением – потому что появлялась возможность смазать сумбур первых минут встречи.

– Хорошая она у вас? – спросил я совершенную глупость.

– Хорошая, – согласился Ярослав. И добавил: – Ее муж у нас компьютеры преподает.

Ну, об этом, парень, ты мог бы и не говорить. Про ее мужа мне неинтересно.

– Пошли, – взял я его под руку и потянул к выходу. – Тебя вообще отпустили.

Ярослав покорно потянулся за мной. Школа проводила нас все тем же противным скрипом пружины и глухим ударом двери. Не сговариваясь, мы повернули направо, в сторону, противоположную от центра города. Туда, где меньше людей.

– Как живешь, сынок?

– Нормально.

Дежурный вопрос – дежурный ответ... «Как живешь? – Нормально»... А что бы ты, папаша, хотел услышать? Чтобы Ярослав тут же начал тебе изливать душу, рассказывать о своих проблемах? Есть у него проблемы, не может не быть. Да вот только станет ли он сейчас о них рассказывать? Да и не только сейчас, а вообще.

Стоп! – опять скомандовал я себе. Зарок, который даешь сам себе, нужно выполнять свято. Хотя ни с кем на белом свете невозможно договориться легче, чем с самим собой. Потому и слово, данное самому себе, держать несравненно труднее. Зарок же состоял в том, чтобы не задумываться о собственном будущем. Думать о нем было слишком мучительно, слишком муторно, потому что впереди не было ничего, кроме непроглядного мрака.

Мы какое-то время шли молча.

– Ну а как ты учишься? – вымучил я очередной вопрос.

– Нормально, – столь же оригинально ответил Ярослав.

Однако, очевидно, он и сам понял, что мне трудно начать разговор, а потому решил дополнить:

– Всяко бывает, конечно. Но в целом нормально.

Что еще спросить? Как пробиться к его откровенности? Как разрушить эту стену отчуждения?

– Ну а девушка у тебя уже есть? – толкнул я сына плечом. – Ты-то вон уже какой большой...

Сын резко вздернул подбородок вверх. Значит есть, – понял я. Да вот только признается ли? И даже если признается и назовет ее имя, что мне это даст, коль я тут никого не знаю и не помню?

– А куда буду поступать после школы я еще не знаю, – резко бросил Ярослав. – Еще дежурные вопросы будут?

Н-да, срезал. Ну что ж...

– Ну а какие вопросы я тебе должен задавать, если ты отвечаешь только дежурно?

Сын резко остановился, повернулся ко мне. Не ожидая этого, я сделал несколько лишних шагов и только тогда тоже обернулся к нему.

– Ты зачем приехал?

Он был еще мальчишкой. Но вопрос задал взрослый, мужской. И очень точный. Потому что, по большому счету, я и сам до конца не знал цели приезда.

– Ну а если просто для того, чтобы тебя повидать?

– Повидал?

А вот тут ты неправ, сынок. Лежачего бить – последнее дело. Особенно если он помощи или пощады просит. Мы стояли и смотрели друг другу в глаза. Между нами было всего-то три шага. И как будто пропасть. Бездонная пропасть. Или стена. Глухая.

Ярослав не выдержал первый. Потупился. Шагнул ко мне. Неловко ткнулся лицом в плечо – и тут же отпрянул.

– Прости, батя. Просто неожиданно все... Пошли.

Мы опять шагали рядом. Шагали неведомо куда. Вперед тянулось старое выщербленное шоссе. Оно вело к поселку Севводстрой и далее на Осташково. Здесь, вспомнилось почему-то невольный, в дни моей юности накануне Нового года выставляли так называемые «зеленые патрули», чтобы не допустить рубку елок. Их все равно рубили, правда, не так интенсивно, как это делали бы, не будь «зеленых патрулей»... Интересно, сейчас тоже такие кордоны выставляют или же все пустили на самотек?

– А ты-то сам как, батя? – нарушил молчание Ярослав.

«Нормально», чуть было не брякнул я. Но вовремя спохватился.

– Да как тебе сказать? – искренне ответил я. – Коротко не скажешь... Как говорится, помаленьку.

– Трудно было?... Ну, там... – запинаясь, поинтересовался он.

Трудно? А в самом деле, трудно ли? Никогда не задумывался.

– Как тебе сказать? – тоже повторился я. – Нет, наверное, не так уж трудно. Физически во всяком случае. Плохо – вот более точное слово. Сидишь – и дни считаешь, сколько прошло, сколько осталось... Солдаты тоже дни до «дембеля» считают. Но только солдат знает... А, да что там говорить, – оборвал я сам себя. И повторил – Плохо – вот точное слово.

На перекрестке мы повернули направо. Шлепали вдвоем по обочине, по грязи, не имея возможности идти по асфальту из-за часто пролетающих мимо машин.

– Ну а что дальше будешь делать?

Вроде бы я у сына должен выпрашивать. А получилось наоборот.

– Не знаю пока, – признался ему. – Осмотрюсь – тогда будет видно.

Опять зависла пауза. Однако мне показалось, что я понял, что хотел бы, но не решился спросить сын. А потому решил ему помочь, заговорил сам.

– Одно, сынок, могу сказать тебе точно: в преступники не пойду.

Мальчишка есть мальчишка. И Ярослав задал вопрос, который мог задать только ребенок.

– Батя, а правду говорят, что тем, кто оттуда выходит, дают адреса, где человеку просто так дают деньги, документы, одежду... Ну и все такое прочее?

Сразу вспомнился Корифей. Его неподвижный, немигающий взгляд и неторопливая речь. И слова, сдобренные холодной усмешкой:

– Запомни, Беспросветный: сколько бы ты ни держал марку, рано или поздно, к нам приедешь. Потому что ты уже меченный. В нормальную организацию, где можно «бабки» честно зарабатывать, тебя не возьмут с твоей биографией. На завод, на стройку или в фермеры ты и сам не пойдешь. Так что единственный путь у тебя – к нам. Ты мужик умный, с головой, так что подумай и признай, что я прав... В общем, не сопротивляйся, а сразу как приедешь в первостольную – сразу к нашим. Первым делом тебе добрую бабу бесплатно дадут, которую ты сможешь «пилить», сколько силы будет. Потом денег дадут. Ну а дальше уже все сам решишь...

Ты бы знал, Корифей, как безумно хочется рвануть сейчас по указанному тобой адресу. А тут еще «администрация» душу разбередила...

– Да, сынок, это правда. И адрес я такой знаю. Только приходи, скажи, кто прислал – и считай, что ты уже сыт, пьян и нос в табаке. Вот только не уверен, что такие адреса дают каждому. Думаю, только тем, в ком тамошние «авторитеты» уверены.

– И в тебе они были уверены? – поймал меня на слове Ярослав.

Что тут скажешь? Не врать же...

– Да, были уверены, – ответил я, стараясь не смотреть в сторону сына, который, напротив, старался заглянуть в глаза. – Но уверены не в том, что я их человек, а в том, что я этот адресок не сообщу кому не надо.

– А зачем же тогда дали? – опять подловил он меня на оговорке.

И вновь вспыхнуло в памяти, как поначалу, когда по приказу Домового, тамошнего «авторитета», враждовавшего с Корифеем, пытались меня сломать, я сумел «отмахаться» от четверых его головорезов, раздробив одному из них челюсть; как той же ночью сам подошел к Корифею; как мы тогда говорили полночи; как потом... Впрочем, это лучше держать в себе, да еще так глубоко, чтобы и вспоминать пореже.

– Да потому что хотят, чтобы я пошел к ним.

– Зачем?

– Это все слишком непросто, сынок, долго рассказывать, – уклонился я от ответа. – Если коротко: меня хотят пристегнуть к себе. А я этого не хочу.

Мы дошли до круглой площади с блюдечком зеленого газона посередине. Здесь когда-то разбился на машине прапорщик Павленков, которого я немного знал. Повернули направо, в город, в сторону автостанции. Впереди показались пятиэтажки – панельные и кирпичные. Почти все их выстроили военные строители, не стояли бы в городе на протяжении двух десятков лет эти государственные каторжане – Руза, наверное, до сих пор оставалась очень большой деревней.

– Ты к нам зайдешь?

«К нам»... Ярослав, наверное, почувствовал, что меня кольнули его слова. Хотя не уверен, что он понял причину.

– Да, зайду, – коротко обронил я.

Еще раз повернули, теперь налево. Прошли мимо магазина. Начались «федеративные грязи» – тут, на улице Федеративная, всегда было грязно.

– Слышь, батя, пока мы домой не пришли... – вдруг заговорил Ярослав. Наверное, он давно уже хотел мне что-то сказать, но не решался. – Только ты, пожалуйста, пойми меня правильно, батя...

– Да уж постараюсь, сынок.

Скорее всего, думал я, знаю, о чем ты хочешь заговорить. И это твое право. Хотя и обидно мне будет тебя выслушивать, сынок.

– Я понимаю, батя, что тебе все это нелегко, – зачастил он торопливо, сбивчиво, словно боясь, что я его перебую, не дослушаю. – Но только ты, когда будешь у нас, не сорвись, не сделай что-нибудь... Тебе ведь нельзя ничего сделать, тебя тогда опять сразу посадят...

Вон ты о чем! А я-то думал...

– Не переживай, – ускренне усмехнулся я. – Ни маме, ни ЕМУ я ничего не сделаю.

– Правда? – обрадовался, что самая трудная часть разговора уже позади, Ярослав. – Ну и хорошо. Батя, а ты еще приедешь?

– Посмотрим. Будет день – будет и пища, – опять уклонился от ответа.

– Ты приезжай, батя. Только домой не ходи, сразу в школу, хорошо? И когда устроишься, остановишься где-нибудь, сразу мне сообщи. Только не домой, я тебе адрес дам, по которому писать... Хорошо?..

– Ладно, обязательно.

От сына слышать такое... Надо же, совсем еще мальчишка, а мудрый какой он у меня.

Молодец парень. Ну а домой... Если бы не необходимость, я бы и сейчас заходить не стал. В конце концов, я ведь не мазохист, чтобы самому себе в душу раскаленные иголки совать!

Мы остановились перед подъездом.

– Слышь, батя... – он снова замялся, не зная, как мне еще что-то сказать.

– Ну-ну, смелее, что еще?

Ярослав опустил голову, переминался с ноги на ногу. Сумку свою по-прежнему держал, переброшенной через плечо за спину.

– Бать, я пойду лучше немного погуляю, ладно?.. Не обидишься?

Не хочет присутствовать при нашем разговоре, – понял я. Что ж, может, он и прав. Даже, наверное, прав.

– Конечно, иди, погуляй, – хлопнул я сына по плечу. – Не обижусь.

Я вздохнул и вошел в подъезд. На душе было тяжело. Ярослав остался на улице. И не считал нужным скрывать, что остался с облегчением.

Знаете, бывает у людей на лице такое выражение... Как бы его получше описать... В общем, человек знает, что должно произойти что-то крайне для него неприятное или нежелательное, однако изо всех сил надеется, что это не произойдет или, в крайнем случае, если это неизбежно, пусть произойдет не сегодня, не сейчас – а оно, долгожданно-нежелательное, берет и случается. И человек смотрит на неприятность со смешанным чувством: покорностью, досадой и нетерпением – коль уж случилось, пусть побыстрее закончится.

Именно так глядела на меня жена, когда открыла передо мной дверь. По всему было видно, что до последнего мгновения она надеялась, что незнакомый дядя, о визите которого сообщил младший сын, это не я.

– Добрый день, – с демонстративной вежливостью поздоровался я. – Можно войти?

Супруга поджала губы. Отодвинулась вглубь прихожей.

– Проходи, – сказала оттуда. И только после этого ответила – Здравствуй.

Я аккуратно, тщательно вытер подошвы туфель о коврик и только после этого переступил порог квартиры. Своей квартиры. В которую когда-то привел Людмилу – свою милую Людмилу, как я ее тогда называл. Сюда же принес когда-то и крохотный живой комочек, укутанный в теплое одеяло, которому уже давно было придумано имя – Ярослава. Отсюда же я уезжал на войну. И отсюда же меня забирали...

И вот вернулся.

– Проходи, – повторила Людмила, теперь уже имея в виду комнату. – На улице грязно... – начал было я, но жена меня перебила. – Ничего страшного, – сказала она. – Разуваться не нужно.

И это было вполне понятно: она хотела, чтобы я побыстрее ушел, до прихода ЕГО.

В комнате все было иначе, не так, как при мне. Кажется, из мебели тут вообще ничего моего не осталось.

Я огляделся, прикидывая, куда лучше сесть. Оставил свой выбор на кресле. В него и опустился. Людмила присела на стул к столу. На меня старалась не смотреть, теребила что-то в руках – не то салфеточку, не то носовой платочек. А может и просто попавшуюся в руки тряпочку.

– Предлагаю вводную часть разговора пропустить, – начал я. – Кто, как, с кем и сколько живет, спрашивать не будем. Ты не против?

Людмила по-прежнему глаз не поднимала. Только плечиками передернула.

– Не против.

– Ну вот и ладно, – удовлетворенно кивнул я. – Итак, переходим прямо к делу. Мы в квартире были вдвоем. Наверное, специально и младшего сына отправила гулять, чтобы нам никто не мешал. Она у меня всегда была предусмотрительная. Правда, цветное фото его веселой мордашки висело на стене.

– Перво-наперво я хочу забрать свои документы и личные бумаги. Они, надеюсь, целы?

Все также глядя на мнушие тряпочку пальцы, Людмила кивнула:

– Целы.

Однако с места не поднялась, не бросилась заполошно собирать то, о чем я попросил. Что-то было не так, однако я не стал уточнять.

– Хорошо, – не дождавшись ее действий, продолжил я. – Тогда продолжаем разговор. Я прошу собрать мои вещи, которые, надеюсь, тоже в полном порядке.

Моих вещей тут было не так много. Однако в моем нынешнем плачевном состоянии и они могли пригодиться. Костюм, конечно, не нынешней моды, но так ведь и я тоже не молоденький уже – сгодится. Две пары брюк, кажется, рубашки, галстуки, ботинки... В общем, чтобы было на первое время, пока где-то обустроюсь, во что облачиться.

Супруга опять кивнула и отозвалась эхом:

– В порядке.

Однако вновь с места не тронулась.

– Вот и ладненько. Тогда последнее. Ты меня знаешь, я с подобными просьбами к кому-то обращаюсь исключительно редко. Однако сейчас ситуация такова, что не до щепетильности. Так вот, мне нужны деньги. Согласись, что я имею право у тебя попросить какую-нибудь сумму на первое время...

Говоря эти слова, я старался, чтобы ни тоном, ни голосом не выдать то смятение, которое клокотало в душе. Я, лично я, при моем самолюбии, при моем самомнении, прошу деньги у женщины! Причем, не просто у женщины, а у той, которая бросила меня, которая изменила мне, когда мне было невероятно трудно.

И все же я считал себя вправе так поступить. В конце концов, когда мы еще были одной семьей, я приносил домой все до копейки; когда был на войне, столько всего ей сюда привез... Я имел полное право взять намного больше, чем брал сейчас. Я имел право подать на раздел квартиры, на раздел имущества...

А, вот оно что! Раздел имущества! Она так подавленно сидит потому, что боится, что я именно так и поступлю! А я-то думаю...

– Ну и последнее, – повторился я, едва не забыв об этом. – Подавай на развод. Мне надоело быть...

Договорить я не смог. Потому что Людмила вдруг подняла голову и уставилась на меня. Даже теперь, будучи на нее в обиде, я оценил, насколько же она у меня хороша... Вернее, не у меня, теперь уже у НЕГО.

– Послушай, Костя, – увидев, что я замолчал, заговорила она. – Ты много знаешь людей, которые живут без ошибок?... Ну, скажи, много?

Потом я не раз удивлялся сам себе, как это сразу не понял, куда она клонит. Но только в тот момент у меня и мысли не появилось, как дальше потечет наш разговор.

– Ты продолжай-продолжай, – озадаченный словами жены, сказал я.

– Ну, сделала я глупость, – заговорила она торопливо, словно боялась, что я ее перебыю и она не успеет высказаться. – Ну, избежь меня, а потом прости... Ты бы знал, как я раскаиваюсь...

Она еще что-то говорила в том же духе. А я ошеломленно молчал. Ничего себе заявочка!

После всего того, что произошло...

– А его куда денем? – перебил я жену, кивнув на фотографию улыбающегося мальчугана.

Людмила бросила на карточку мимолетный взгляд и тут же обмякла, опять опустила голову.

– Куда же ты пойдешь? – тихо, тоскливо проговорила она. – У тебя же никого нет...

Надо же, по самому больному, по самому незащищенному месту бьет, – накручивал себя я.

А внутренний голос нашептывал: а ведь и в самом деле никого и нигде у тебя нет. Так чего же ты думаешь? Плюнь на все, да и оставайся. Да, стерва у тебя жена – ну так ведь не у тебя одного. Сколько с тобой мужиков сидело – что же у всех их жены верно ждали своих мужей?

Вся-то разница: ты об этом знаешь, а многие делают вид, что не догадываются. Поживешь немного, постепенно все забудется и будете опять жить, как и встарь – друженько и ладненько.

Да, может быть, – возразил я сам себе. Только эта симпатичная мордашка будет всегда маячить передо мной.

Ну и что? – удивился искуситель. Сколько людей усыновляют чужих детей – и ничего. По статистике десять процентов детей во вполне нормальных семьях рождается, как говорится, от соседей. А формальные отцы об этом чаще всего не подозревают. И даже если подозревают, благоразумно делают вид, что знать о своих рожках не знают, ведать не ведают... Ну а парень он славный – привыкнешь, будешь воспитывать за своего...

Но ведь она меня предала, когда мне было плохо, когда я там лямку тянул, – не мог согласиться я. Она же стерва!

«Предела» – передразнил меня внутренний голос. Говорит же, что ошибку сделала. Кается... Ты-то в жизни всегда ангелочком был, никого не предавал, никогда не ошибался, никому не делал больно? Ну а то, что стерва... Ты что же, раньше никогда со стервами не спал? Или мало мужчин на белом свете живет, которые знают, что у их жен что-то там было в прошлом? Больше сочувствовать надо тем, кто об этом не знает. Оставайся...

Но ты же знаешь, – внушал я сам себе, – что я ей этого все равно до конца никогда не прощу. Если вспылю, когда выпью, обязательно ей пенять стану.

Ну и что? – цинично хмыкнул искуситель. Сама же виновата, так почему бы и не попенять иногда?.. Ты подумай, о чем задумался! Выбор-то небогат! Или ты плюешь на все, в том числе и на самолюбие свое, и остаешься – тогда сегодня будешь сыт, пьян и спать в чистой постели с красивой женщиной. Или ты сейчас гордо удаляешься, будешь ночевать где-нибудь на вокзале, а то и в отделении милиции – а в чистой постели с твоей женой будет спать кто-то другой.

Почему-то именно такая постановка вопроса едва не решила все. И тогда неведомо, как все пошло бы дальше, как повернулась бы моя жизнь. Потому что, как ни говори, а сидевшая передо мной женщина была МОЕЙ ЖЕНОЙ. И тот человек, которого я не видел и не знал, в случае, если я уйду, будет спать не с какой-то посторонней шаболдой – он будет спать с МОЕЙ ЖЕНОЙ!

Покажите мне мужчину, которого такая постановка вопроса не заденет – и я ему не поверю.

...Все, о чем я так долго писал, всколыхнулось у меня в душе одновременно. Взвихрилось, закружило, сталкиваясь и искря. И я не знаю, что победило бы, если бы не случилось то, что случилось.

– Решать тебе, Костя, – опять глядя на свои нервно подрагивающие пальцы, заговорила, не дождавшись моего ответа, Людмила. – Я понимаю, что тебе ТАМ было несладко. Признаю, что я тебя практически предала. Все так. Только ведь пойми и ты, Костя, я ведь живая... А тебя не было столько лет... Ты скажешь, что и ты живой. Да. Только ведь у тебя там не было соблазнов. А тут – вон сколько мужчин вокруг. Ну и закружило...

Не было соблазнов... В памяти всплыл Машутка. Наверное, когда соблазнов нет, люди их сами придумывают. Природа есть природа, ее не обманешь. Так в чем же больший грех: здесь у нее ЭТОТ, или там у меня Машутка?..

Я дрогнул. В конце концов человек изначально тянется к определенности. И вот у меня выбор: определенность с неверной женой или полная неопределенность.

– У тебя выпить есть?

Людмила вздрогнула, услышав мой голос. Вскинула на меня глаза... Нет, не глаза, очи. Большие, красивые, полные слез очи.

– Что?

– Выпить у тебя есть? – повторил я. – Сколько лет с женщиной не пил...

Она сорвалась с места.

– Я не знаю... – растерянно заговорила она. – Где-то, наверное, есть. Я-то не пью, а у... – она осеклась, замолчала, со страхом ожидая мою реакцию.

А в глазах уже зарождалась надежда. А в уголках губ уже обозначалась улыбка. А плечи по-прежнему были непривычно-робко опущены, не веря в возможность прощения.

В конце концов, верность – неверность, это все условности. А выпить хотелось. И поесть хорошо. А потом... И снова, как тогда в коридоре с «администрацией» плоть с готовностью откликнулась на один только намек на желание.

Людмила выпорхнула в коридор. И тут же на кухне что-то с грохотом упало и покатилося.

– Сейчас Ярик со школы придет, – прокричала жена с кухни. – Он в это время всегда приходит. А потом идет на тренировку... Он у нас спортом занимается...

Я в ответ кричать не стал. Поднялся с кресла и сам прошел на кухню.

И совершил то, что в одно мгновение разрушило то, что могло вернуть мою жизнь в семейное русло.

– Ярик придет нескоро, – сказал я. – Я заходил в школу и забрал его. Он сейчас гуляет, чтобы мы могли поговорить спокойно.

Людмила замерла. Она сидела на корточках перед открытым шкафчиком. На мои слова она повернулась неловко (или расчетливо?), отчего подол домашнего платья задрался куда выше общепринятых норм.

– Ты был в школе? – удивленно спросила она.

– Да. А почему это тебя так удивляет?

Она опустила глаза к разверстому нутру шкафчика.

– Нет, ничего. Значит, Ярик сейчас не придет?

– Нет, мы с ним расстались перед подъездом, – до конца раскрылся я.

Вот тут, именно тут я и сделал глупость. Впрочем, может, это само провидение двигало мною когда я задал вопрос.

– Слушай, Людмила, пока суть да дело, отдай мне мои документы...

Дело в том, что когда я поступил в военное училище, по случайности (именно по случайности, потому что тогда ума для этого у меня не хватило бы) не сдал свой гражданский паспорт. Так он и валялся в домашних бумагах, полузабытый. Ну а теперь я вспомнил о нем. Потому что взамен своей справки мне выдадут паспорт, в котором будет отметка о судимости. А я подумал о том, что если удастся, попытаться устроиться куда-нибудь работать по старому, «чистому» паспорту.

Ну а вторым документом, который оставался у Людмилы, была моя «афганская» «корочка». Сейчас для участников войны в Афганистане предоставлены кое-какие льготы, в частности, бесплатный проезд в городском и пригородном транспорте. А мне сейчас это было бы весьма кстати.

Обрадованная моей реакцией на ее слова, Людмила замерла с початой бутылкой водки в руках. Повернулась ко мне и произнесла чуть смущенно:

– Ты знаешь, твое удостоверение о льготах сейчас у... – она опять осеклась, не решившись произнести ЕГО имя. – Он скоро придет и отдаст тебе...

Эти ее слова были подобны грому, который прогремел на ясном небе.

Это что ж выходит-то, братцы? Значит, по моему «Свидетельству» сейчас ездит и живет человек, который отнял у меня жену? Значит, потому и не подавала все эти годы на развод моя жена, потому что платила льготную квартплату по моим документам, потому что ее хахалю выгодно было пользоваться моей «корочкой»... Вдруг вспомнился телефон, который я увидел в прихожей и которого не было ПРИ МНЕ – тоже, небось, поставили по льготной очереди.

Наверное, все эти чувства мгновенно проявились у меня на лице. Потому что Людмила мгновенно изменилась лицом и зачастила, сбиваясь и проглатывая слоги:

– Ну, ты посуди сам: если есть возможность, то почему же ею не пользоваться...

Говорят, у разведчиков есть такая таблетка: каким бы пьяным ты ни был – проглотишь ее и сразу протрезвеешь. Врут, наверное. Но только ее слова стали для меня сродни той таблетке. Потому что я мгновенно протрезвел.

Это что же – простить? Можно многое простить, но только не такое. Предать мужа и пользоваться его льготами? И не только самой пользоваться, но и любовнику дать возможность пользоваться твоими же льготами?..

– Во сколько ОН приходит?

Людмила поняла, кого я имею в виду. Но она еще не поняла, что между нами все уже кончено окончательно.

– Через час, – бросила она взгляд на настенные часы.

– Через два часа я буду ждать Ярослава на автовокзале, – твердо сказал я. Короткая «расслабуха» закончилась. – Он должен принести все, о чем я говорил. И в первую очередь документы.

Людмила ничего не понимала.

– Но погоди, Костя... Ты ведь...

Я глядел на женщину, которая по-прежнему сидела на корточках перед разверстым нутром кухонного шкафчика с соблазнительно оголенными бедрами.

Лишь с этого момента она перестала для меня быть женой и стала обыкновенной... В общем, перестала быть женой. Она больше не была красивой, обаятельной и соблазнительной, желанной. Она перестала быть для меня женщиной, с которой еще десять минут назад я согласен был повторно связать свою судьбу.

– Я сказал: через два часа Ярослав должен принести мне чемодан и документы, – раздельно повторил я. – Деньги можешь не передавать!

Людмила ничего не могла понять.

– Но погоди, Костя! Что случилось?..

Однако я больше не желал объяснений.

– Через два часа на автовокзале!

Дверь громко щелкнула язычком замка. В памяти запечатлелись полные слез и недоумения глаза бывшей жены. И я знал, что больше в этой квартире не появлюсь. Меня здесь предали дважды.

Позже, когда я опять тащился в тряском автобусе, вспомнилось мне стихотворение, которое как-то мне читал Поэт – интеллигентный парнишка, за которого я вступился и который после того все время старался держаться поближе ко мне.

Как-то вечером, неумело затягиваясь подобранным «бычком», он нараспев читал стихотворение покойного уже Андрея Матяха:

«Давайте верить греку,
Сказавшему: «Учти:
В одну и ту же реку
Два раза не войти!
Ведь устали не знает
Текучая вода,
И все, что принимает,
Уносит без следа».
Был щедр на откровенья
Практичный древний грек —
Вне всякого сомненья
Разумный человек.

Для нас, своих потомков,
Он мыслил не спеша
В тени маслины тонкой,
Под сенью шалаша...
С тех славных пор античных
Немало лет прошло,
В моря из рек различных
Воды перетекло.
Но мы, пренебрегая
Советом мудреца,
Потоков проверяем
Текучесть без конца.
Отчаянно мечтая
Минувшее вернуть,
Мы, в лоно вод вбегая,
Со дна вздымаем муть.
Река, забот не зная,
Бежит за веком век.
На нас, с небес взирая,
Хохочет мудрый грек...
И вдруг – остановилась
Текучая вода,
И снова возвратились
Ушедшие года.
С безумною надеждой
Мы вспенили поток.
Да, все, как было прежде.
Но... все-таки не то.
И истина открылась
В кристальной простоте:
Река не изменилась,
Да мы уже не те...

– Понимаете, Константин Васильевич? – говорил потом Поэт. – Мы все так надеемся, что когда выйдем отсюда, все у нас пойдет, как прежде. А ведь такого, как было, уже не будет. И дома, в смысле семьи, такого, как был раньше, как бы мы и ваши родные к этому ни стремились, всего этого уже не будет. Андрей Матях, автор этого стихотворения, абсолютно прав! Пусть даже река попытается повернуть вспять – мы-то уже не те! – Он сплюнул и втоптал в землю скуренный до последнего предела «бычок». – Потому что из памяти и из души вытравить все вот это, – он повел подбородком в сторону ближайшей вышки с часовым и «колючки», – просто невозможно...

ТАМ всем было нелегко. А таким вот интеллигентным паренькам – втройне.

С чего это теперь я вдруг вспомнил его? А потому, что в своем предвидении он сказал в самую точку: все мы за это время изменились. Вернее, изменились обстоятельства, которые, в свою очередь изменили нас. И что-то изменить, как бы того ни хотели, мы не в силах.

Умом я понимал, что все произошло именно так, как и должно было произойти, что я поступил именно так, как должен был поступить. И все же было мне неимоверно тоскливо.

Потому что мне попросту некуда было податься на всем белом свете.

6

Я ехал в электричке в сторону Москвы. Глядел в окно.

Думал. Пил прямо из горлышка купленную в привокзальном ларьке водку. Закусывал подсолненными орешками арахиса из пакетика. И снова думал, думал, думал...

Мысли скакали, подобно кенгуру, с одной темы на другую, с одного вопроса на другой.

Жена... Теперь, впрочем, я ее так не называл даже мысленно. Обозначил ее про себе абстрактно-отвлеченно: ОНА. И все, точка. Формально – да, она оставалась мне женой, потому что не подала своевременно документы на развод. Но, как теперь мне стало ясно, не подала с вполне определенной целью: чтобы не лишиться неких благ, положенных воину – хрен его задери, это слово – интернационалисту. Вот оно, «Свидетельство о льготах» в плексигласовом футляре, лежит в кармане – черта с два этот трахарь-перехватчик сможет теперь воспользоваться этой «корочкой» для пробивания моей бывшей семье, в которую он примазался, каких-либо поблажек. Сам их заслужи, сам за них повкальвай, кровушку пролей: свою, подчиненных, врагов... Много вас таких, привыкших брать от жизни то, что другие заработали, выстрадали, вымучили...

Написать бы сюда, в местную администрацию, о том, что некий имярек пользуется правами «афганца» незаконно... Ну да ладно, этого я делать не буду, пусть живет, гнида. И гнидесса моя при нем тоже пусть живет.

«Администрация»... Как ее называл Ярослав? Лариска. Ну, ученики часто учителей за глаза по имени обзывают. Сам был таким же... Лариса... Чайка по древнегречески. Вот она бы так с мужем поступила, случись с ним беда?... А-а, и она, небось, такая же как и все – все они, бабы, одним миром мазаны.

Такая же... Все ли они такие? Ведь были же декабристки, например. Правда, когда мы вспоминаем их, говорим словами Некрасова: «Русские женщины». А ведь их в Сибирь последовало только одиннадцать из полутора сотен сосланных, да и то две из них были француженками... Может, это и есть истинное соотношение порядочных и не слишком порядочных женщин: одиннадцать из ста пятидесяти?... Кто его знает, такой статистики, наверное, никто не вел. Ну хорошо, а все ли мужчины порядочнее женщин? Нет, конечно. Просто мы от женщин ждем того, в чем сами не являемся образцами добродетели. Почему-то считается, что так оно и должно быть: мы грешим с посторонними женщинами, требуя от своей неукоснительной верности. Абсурд, если разобраться.

Однако я сейчас не о грехе как таковом. Просто я сейчас понял, что должны существовать рамки греха. Безгрешных людей не бывает. А потому порядочным можно считать только того, кто эти рамки выдерживает.

Браво, Константин Васильевич, съехидничал внутренний голос. Прямо Гораций, Конфуций или Козьма Прутков – какие афоризмы выдаешь... Вот только кто тебе сказал, что такие рамки должны и в самом деле быть? И кто, по-твоему, их должен устанавливать? И что хуже – грех тайный или грех открытый?..

Рекбус, как говаривал покойный Райкин-старший, кроксворд...

– Мужчина, в одиночку пить вредно.

Я даже вздрогнул от этого голоса, который столь бесцеремонно вторгся в мои разбегающиеся мысли. Повернулся от окна, оглянувшись.

Рядом со мной плюхнулась на вагонную лавку девица лет тридцати или около того, весьма шалавого вида. Глядела на меня оценивающе, будто дубленку примеряла. Или мужика на вечер «снимала».

– Так и ты выпей со мной, – не пытаясь подобрать ответ пооригинальнее, предложил я ей именно то, на что она откровенно напрашивалась.

Водки в бутылке оставалось еще граммов двести. А мне на голодный желудок, сам чувствовал, уже и в самом деле достаточно.

– Что ж, угости!

Годы без женщины! Годы!.. Она мне привиделась писаной красавицей. И к тому же неприятзательной. В конце концов, пусть осудит меня тот, кто сам устоял бы в такой ситуации.

– Угощаю! – жестом гусара графа Турбина-отца, швырнувшего цыганам остатки карточного выигрыша, протянул я ей остатки водки. – Только извини, хрустальных бокалов и ананасов на закуску не купил... Как в том анекдоте: «Звоняйте, Джонни, бананов немає...»

Она коротко, с готовностью хохотнула, охотно ухватила за горлышко. Правда, ухватила немного неуверенно – видно, уже и без того была в подпитии. Приложила, несколько раз крупно глотнула. Поперхнулась, сморщившись, закашлялась. Из уголка рта потекла на платье струйка водки.

Еще не прокашлявшись, она весело и озорно подмигнула мне: извини, мол.

– Тебя как зовут, мужчина?

Прокашлявшись, девица отпила еще, теперь совсем чуть-чуть, опять сморщилась и опять уставилась на меня шалаво и пьяно. И пьяняще.

– Константин, – не стал скрывать я.

– Значит, Костик, – мгновенно сократила девица.

– Константин, – поправил я ее.

Еще на Костю я, быть может, и согласился бы. Но Костик... Костик – это перебор.

– Долго и длинно, – скривила губы девица. – Без пол-литры и не выговоришь.

– Ну так чего ж ты ждешь? Выпей – и выговори!

Она опять с готовностью хихикнула и смело отхлебнула еще. Передернулась, громко выдохнула. Икнула. А потом достала из кармана куртки и протянула мне большое зеленое яблоко.

– На вот, закуси. А то просто так пьешь... Без закуси пить вредно.

Я чуть усмехнулся. Ишь, Ева отыскалась, яблочком соблазнять. С Дерева познания добра и зла... Да я, дева, этого самого зла полной ложкой нахлебался во как, по самые уши... Разве что добра познать?.. Ну да ладно, будем надеяться, что в горле кусок, как у Адама, не застрянет и второй кадык не вырастет.

– Чего это ты надираешься? Так нельзя, в одиночку-то... Ты просто тихушник-алкоголик или у тебя беда какая стряслась? – не унималась девица.

Твою мать етить, психолог-утешитель выискалась! Тебе-то что за дело?..

Однако хамить не стал. Все же баба, вроде по-доброму говорит...

Не отвечая ей, в свою очередь спросил:

– А тебя как зовут?

– Марина, – жеманно протянула мне руку. – Будем знакомы. А можно Марианна.

– Очень приятно, – столь же церемонно ответил я.

В самом деле, какая мне-то разница? Марианна – так Марианна.

Судя по ее жесту, откровенно претендующему на кокетство, она рассчитывала, что я едва ли не приложусь к ее ручке. Однако я только пожал ее широкую крепкую ладошку.

Как мне показалось, пора было переводить разговор в более конструктивное русло.

– Куда мы едем, Марианна свет-батьковна?

Признаться, была мысль, что она изобразит смущение, начнет из себя строить нецелованную девочку. Однако все произошло проще, будничнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.